A 17 7/5 cSamy

На Сибирскомъ просторѣ.

А 17 7/5 сбо

Библіотека Чертковская

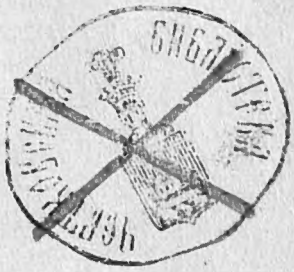
Картины переселенія.

В. Вузинкинъ

Н. Вагнинъ

А 17 7/5 спб

На Сибирскомъ просторѣ.



Картины переселенія.

СПБ. 1912.

620284

Типографія
Т-ва „Нашъ Вѣкъ“
Спб., Малая Подьяч., д. 12.

Содержаніе.

Стр.

I. Вмѣсто предисловія. Сибирь и „Россія". Переселеніе и наше общество . . . . . 5— 7

II. Послѣднее „прости" родинѣ. Столица переселенческаго движенія Челябинскъ . . . . . 7—11

III. Въ переселенческомъ поѣздѣ. Бесѣды и впечатлѣнія . . . . . 11—18

IV. Къ югу отъ магистрали. Барабинская степь. „Почти" старожилыя села. Склады машинъ и орудій. Опытное поле. Отецъ Евгеній. Желѣзныя дороги. „Настоящіе" старожилы. „И такъ началась Кулунда..." . . . . . 19—32

V. Городъ Славгородъ. Поэзія-проза. Соленая ванна. Курортъ. Въ гостяхъ у киргизовъ . . . . . 33—46

VI. Продолженіе степи Кулундинской. Менониты-орловцы. Реймеръ, Яковъ Абрамовичъ. Впечатлѣнія и цифры. Итогъ. . . . . 46—52

VII. Владѣнія Кабинета Его Величества. Человѣкъ на колѣнахъ. Самовольцы. Алтайское землеустройство. Село Камень на Оби. Новониколаевскъ—конечный пунктъ западной Сибири. Больницы. Земскій агентъ. „Японскія загражденія". „Обратный" поѣздъ. . . . . 53—62

VIII. Изъ степей въ дикій лѣсъ. Таежный фондъ. Переселенческая дорога. Таежные поселки. Чугунная рельса. Рѣченка Яя. Таежные кони. Михайла Козловъ—хуторянинъ. „Помѣщикъ" Купайтисъ. Еще и еще хутора. Будущее таежныхъ участковъ. „Во славу зеленаго змія". . . . . 62—76

IX. Первый агентъ областной земской переселенческой организаціи. Предварительныя размышленія о „сферахъ вліянія". Интервью съ „подраіоннымъ". Еще два агента. Еще подраіонный. Иллюзіи—жизнь. . . . . 76—88

X. Заключеніе. Сибирскія дали. . . . . 88—90

Путевая карта.

I.

Въ то время, какъ въ «старой Россіи», общественное и экономическое развитіе движется впередъ шагами медленными,—на пустынныхъ доселѣ окраинахъ нашего государства вершится необычное дѣло: буквально съ кинематографической быстротою растутъ города, кипитъ неустанная творческая работа, и тамъ, въ степи, гдѣ пять лѣтъ назадъ парили лишь орлы да бродили шакалы, нынѣ съ шумомъ и трескомъ проносятся автомобили, а взамѣнъ вѣковѣчной тайги колосится пшеничное поле...

Граница этой «новой» земли—Уральскій хребетъ, съ обелискомъ «Европа и Азія», создатели же новой жизни, чисто американскаго уклада—переселенцы, тѣ самые наши сѣрые мужички, которыхъ мы привыкли видѣть въ оборванныхъ зипунишкахъ «ломающими шапку» передъ всякой кокардой.

Сибирь перерождаетъ человѣка. Исторически забитый и пугливый русскій крестьянинъ высоко поднимаетъ голову, едва лишь выйдя на просторъ степей или лѣса, и, не стѣсненный въ возможности, строитъ онъ свою жизнь на новыхъ мѣстахъ, забывая рутину «Россіи».

«Сибирь» и «Россія»—понятія взаимно исключающія другъ друга въ представленіи перевалившихъ Уралъ. Такъ же точно, какъ свобода и плѣнъ, какъ просторъ и тѣснина, бѣднота и приволье... А между тѣмъ было время, и сравнительно очень недавнее, когда первое по крайней мѣрѣ противуположеніе какъ разъ примѣнялось обратно.

Но Сибирь претерпѣла достаточно и близится теперь ея праздникъ, на канунѣ котораго, въ отношеніи одной изъ лучшихъ, правда, ея мѣстностей, и довелось быть пишущему эти строки лѣтомъ 1912 года.

Что толчекъ къ могучему развитію производительныхъ силъ Сибири дали переселенцы—истина слишкомъ общеизвѣстная. Непрерывной волною, нерѣдко вопреки всякимъ правительственнымъ запрещеніямъ, текли они въ невѣдомые края, селились гдѣ попало, гибли въ борьбѣ съ суровой природой, возвращались тысячами обратно.

Исторія переселенческаго движенія и соотвѣтственныхъ мѣропріятій правительства изобилуетъ рядомъ невыясненныхъ поводовъ съ одной стороны и колебаній съ другой, но въ данномъ случаѣ важно то, что за послѣднее время переселеніе наладилось и не страдаетъ ужъ болѣе прежними вопіющими недостатками. Свыше трехъ милліоновъ душъ водворились въ Сибири окончательно только въ девятисотыхъ годахъ, и это самодовлѣющее обстоятельство, въ связи съ образующими его причинами, привлекло къ себѣ исключительное общественное вниманіе.

Такъ, Государственная Дума третьяго созыва приняла переселеніе подъ особое свое покровительство *; переселенческое вѣдомство съ своей стороны горячо принялось за работу, но къ концу минувшаго пятилѣтія, т. е. собственно уже къ 1911 году, прежній интересъ къ переселенію началъ ослабѣвать.

Въ этомъ пониженіи вниманія къ явленію, ежегодно приводящему къ сокращенію количества населенія Европейской Россіи на сотни тысячъ человѣкъ и перебрасывающему эти массы въ Азію, блестяще сказалась поверхностность нашего «общественнаго мнѣнія». О переселенческомъ движеніи говорили буквально всѣ въ 1908—1909 гг., когда за Уралъ проходило едва ли не по милліону душъ и когда переселенческая организація сбивалась съ ногъ, регулируя это движеніе; съ уменьшеніемъ же переселенческаго потока до 2—3 сотенъ тысячъ человѣкъ, вопросъ этотъ началъ «выходить изъ моды», что не замедлило, повидимому, отразиться на настроеніи и нашей нижней палаты: «засѣданіе 1-мая 1912 года, въ которомъ послѣдняя смѣта Переселенческаго Управленія обсуждалась, было однимъ

* См. того же автора „Переселенческій вопросъ въ Госуд. Думѣ III созыва“ СПБ. 1912.

изъ скучнѣйшихъ за послѣднюю и предыдущія сессіи; создавалось впечатлѣніе, будто излюбленное дѣтище Государственной Думы III созыва—переселеніе—начинаетъ надоѣдать, можно было предположить, что переселенческій вопросъ настолько теперь разработанъ и дѣло налажено, что тратить на него слова болѣе не стоитъ» *.

А между тѣмъ, настоящая, дѣйствительно цѣнная и творческая, работа, требующая наибольшихъ матеріальныхъ затратъ, только теперь начинается. Лишь обидною близорукостью можетъ быть объясненъ упадокъ общественнаго интереса къ переселенію именно теперь, когда отъ степени успѣшности устройства всѣхъ переброшенныхъ въ Сибирь милліоновъ людей зависитъ не только будущее этой богатѣйшей страны, и облегченіе земельнаго стѣсненія въ центрѣ Россіи, но можетъ быть, даже и общее процвѣтаніе Имперіи...

II.

Медленно и тяжело подходитъ сѣрый переселенческій поѣздъ къ «Челябѣ»—Челябинску,—тому главному этапу переселенцевъ, который въ ихъ представленіи служитъ дѣйствительнымъ началомъ Сибири, и съ котораго они шлютъ послѣднее прости родинѣ.

Челябинскій пунктъ—это столица переселенческаго движенія, гдѣ въ свое время сосредочивалось до десяти тысячъ человѣкъ ежедневно, и гдѣ цѣлый городокъ на восьми десятинахъ съ многочисленной администраціей къ услугамъ переселенцевъ.

Санитарный обходъ поѣзда, передача его по вѣткѣ на собственно переселенческую платформу, и какъ муравьи разсыпаются люди по всей территоріи пункта, разминая уставшіе члены.

Старшіе, или домохозяева, являются прежде всего въ «регистрацію» для предъявленія своихъ документовъ. Въ томъ же помѣщеніи даются подробныя справки о свободныхъ участкахъ для ходоковъ, маршруты, предъявляются карты съ объясненіемъ характера интересующей мѣстности и условій веденія хозяйства.

* Тамъ же, стр. 51.

Впервые здѣсь переселенцы слышатъ живое слово о Сибири, впервые реально чувствуютъ они свою оторванность отъ насиженныхъ мѣстъ. Какъ устроиться на чужбинѣ, гдѣ достать лѣса на постройку, сѣмянъ, лошадей и орудія—вотъ главные вопросы, прежде всего требующіе устнаго подтвержденія.

Поѣздъ стоитъ въ Челябинскѣ часовъ пять. За это время многимъ нужно поспѣть въ баню, устроенную по послѣднимъ требованіямъ техники съ дезинфекціон-

Переселенческій поѣздъ у платформы въ Челябинскѣ.

ной камерой для бѣлья и платья моющихся, зайти въ пріемный покой или больницу, вымыть бѣлье въ особой прачешной, навѣдаться въ канцелярію, пообѣдать. Все, за исключеніемъ обѣда, стоющаго копѣйки,—безплатно.

Челябинскій пунктъ въ его современномъ состояніи обстроенъ лишь недавно сравнительно, и еще не снесены старинные бараки, служившіе помѣщеніемъ для почему либо оставшихся на пунктѣ переселенцевъ. Рядомъ съ этими покосившимися и примитивными зданіями высятся теперь огромныя и свѣтлыя новыя, а неподалеку отъ нихъ раскинулся переселенческій ме-

дицинскій поселокъ, также постепенно перестраиваемый и обновляемый. Свыше 20 небольшихъ зданій приспособлены къ отдѣльнымъ видамъ заболѣваній, причемъ послѣдній по постройкѣ баракъ—хирургическій—едва ли не роскошенъ по оборудованію. Больше половины мѣстъ, однако, въ больницахъ и даже нѣкоторые бараки цѣликомъ иногда совершенно пустуютъ, такъ какъ естественно питающій ихъ контингентъ—переселенцы—не всегда даютъ теперь достаточное количество

Входъ на Челябинскій пунктъ.

заболѣваній, а посторонніе въ больницы, хотя бы и за плату, не принимаются.

Черезъ какой нибудь часъ послѣ прибытія поѣзда, повсюду на пунктѣ уже объявляется о предстоящемъ въ помѣщеніи переселенческой церкви чтеніи о жизни на новыхъ мѣстахъ. Для этого иконостасъ задергивается драпировкой, выдвигается экранъ для волшебнаго фонаря, и въ нѣсколько минутъ образовавшееся помѣщеніе биткомъ набивается переселенцами, большею частью старшими, оставившими по этому поводу всѣ хозяйственныя заботы на младшихъ.

Въ краткихъ словахъ обрисовываются лекторомъ

трудности интересующаго данный составъ переселенцевъ района; отъ Акмолинской области переходитъ онъ къ Дальнему Востоку, даетъ вновь всевозможныя объясненія и отвѣты на непрестанные вопросы, и, если бы время позволило, то совершенно нескончаемо длилась бы эта бесѣда. Но многимъ хозяевамъ необходимо еще побывать въ переселенческомъ складѣ сельско-хозяйственныхъ орудій, гдѣ демонстрируются главнѣйшіе виды изъ пригодныхъ въ Сибири, сдѣлать кое какія

Общій видъ Челябинскаго пункта.

мелкія покупки въ переселенческой же лавкѣ, и, наконецъ, всѣмъ вмѣстѣ, собраться за полчаса до отхода поѣзда къ навѣсу на платформѣ, гдѣ ежедневно передъ отправленіемъ служатся особые молебны.

Прекрасная дикція священника-миссіонера, требованіе имъ всеобщаго пѣнія и трогательное по своей глубинѣ и смыслу моленіе о ниспосланіи удачи на новыхъ мѣстахъ – все это невольно волнуетъ душу молящихся, а самая картина тысячной колѣнопреклоненной толпы изъ людей, рвущихъ нынѣ всякую связь съ вѣковыми привычками и оставляющихъ родину почти безъ надежды увидѣть ее вновь, производитъ рѣдкое, неизгладимое впечатлѣніе. Сколько надеждъ впереди, сколько горечи въ прошломъ! И думы несвязныя, еще

безъ просвѣта, тяжело бороздятъ непривыкшія къ мысли и низко склоненныя головы. Никогда въ другой обстановкѣ не приходилось мнѣ видѣть подобнаго, поголовно захватывающаго, молитвеннаго настроенія: мертвая тишина стоитъ во все время молебствія, — даже дѣти, какъ бы чувствуя значеніе момента, сами безъ передышки отбиваютъ земные поклоны.

«Вы покидаете родныя могилы...», начинаетъ свое напутственное слово священникъ, и—будто токъ электрическій проходитъ черезъ людскую массу. Такое, обычное здѣсь, обращеніе слишкомъ отвѣчаетъ общему настроенію, чтобы его опустить, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно громоотводу, необходимо разряжаетъ сгущенную атмосферу. Глухое рыданіе проносится по толпѣ; священникъ самъ, несмотря на привычку, не можетъ избѣгнуть волненія,—нужно время, чтобы всѣмъ успокоиться, и по крайней мѣрѣ минута, кажущаяся часами, протекаетъ до слѣдующихъ словъ проповѣдника.

Напутствіе кончено, посадка въ вагоны, и, осѣняемый крестомъ, поѣздъ трогается уже по Сибирской дорогѣ—«Россія» осталась на западѣ.

III.

Въ движеніи переселенцевъ, въ этомъ массовомъ стремленіи русскаго народа на востокъ, важнѣе всего и интереснѣе всего не внѣшнія условія пути, ибо послѣднія преходящи. Много за послѣднее время уже сдѣлано для ихъ улучшенія, путейское вѣдомство пошло навстрѣчу переселенческому въ элементарнѣйшихъ хотя бы требованіяхъ удобствъ передвиженія, и хотя впереди предстоитъ еще не мало всяческихъ треній, но, повторяемъ, не въ этой сторонѣ дѣла вся суть, не на этой части вопроса должно быть сосредоточено вниманіе наблюдателя, случайно попавшаго въ переселенческій поѣздъ.

Отъ чего и за чѣмъ они ѣдутъ? Знаютъ ли, что ихъ ждетъ впереди?

Сильно стучитъ, трясетъ и качаетъ переселенческій вагонъ, только этими недостатками и отличающійся отъ обычнаго третьеклассnаго. Пахнетъ русской избой,

да и порядки россійскіе тѣ-же. На вторыхъ и третьихъ полкахъ, какъ на полатяхъ, старики, дѣти и женщины съ кладью, внизу расположились хозяева, и гулъ немолчный стоитъ въ помѣщеніи—все о грядущемъ въ Сибири.

Трудно вызвать переселенца на прямые отвѣты. Онъ положительно боится говорить откровенно, предполагая возможность какихъ то «послѣдствій»,—надо съумѣть разубѣдить крестьянина въ отсутствіи всякихъ подвоховъ, и особенно въ вопросѣ о средствахъ. Созданію подобной замкнутости, вредящей больше всего самимъ же переселенцамъ, способствовалъ въ значительной мѣрѣ, помимо общихъ причинъ, только что отмѣненный законъ о ссудахъ, по которому получать таковыя могли лишь «нуждающіеся». Отсюда — обязательное преуменьшеніе соотвѣтственныхъ показаній. А съ другой стороны—непривычка еще къ служебной роли переселенческихъ чиновъ, а также и къ тому, что въ Сибири всѣ равные, и «господъ», собственно, нѣтъ.

По счастливому совпаденію, здѣсь же въ вагонѣ оказывается мой землякъ, переселенецъ изъ смежной мнѣ курской деревни, и это обстоятельство совсѣмъ облегчаетъ знакомство: представленный «обчеству» землякомъ уже въ качествѣ «своего человѣка», я устраиваюсь на скамейкѣ бокъ-о-бокъ съ другими, и, заявивъ громогласно, что я «не начальство», завожу разговоръ по душамъ.

Скоро отъ прежней атмосферы натянутости и недовѣрія не остается слѣда; наоборотъ, наша бесѣда льется просто и искренно, и время летитъ незамѣтно за чаемъ и скромной закуской.

Почти всѣ ѣдущіе—переселенцы на доли зачисленныя. Это такъ называемые «легальные», отправлявшіе въ свое время ходоковъ для осмотра земли и теперь окончательно перебирающіеся въ Сибирь. Нѣсколько, затѣмъ, «ходоковъ» одиночекъ, и два-три семейныхъ ходока—иначе говоря тѣ самые «самовольцы», которые по необъяснимой, казалось бы, причинѣ тысячами идутъ въ Сибирь съ семьями, надѣясь устроиться гдѣ нибудь безъ предварительнаго зачисленія участковъ.

Переселенцы, къ которымъ принадлежитъ и мой землякъ, наружно совершенно спокойны за будущее свое благополучіе, и лишь изрѣдка прорывается у

нихъ нѣкоторое сомнѣніе: не о землѣ они безпокоятся, не объ оставленныхъ хатахъ, а страшно имъ то, что «больно темны мы—справимся ли». Всѣ, конечно, бѣгутъ отъ малоземелья. «Самъ шестъ я съ семьей, а земли—десятина, три четверти»—добродушно подсмѣивается бородатая косая сажень въ плечахъ надъ своимъ прежнимъ «богатствомъ», и дѣйствительно нельзя не улыбнуться, сопоставляя этотъ клочекъ надѣла съ могучей фигурой хозяина, который, при трехъ сыновьяхъ, получитъ теперь 60 десятинъ. Безъ всякаго сожалѣнія оставляетъ онъ родину, за полтораста рублей уступивъ окончательно свою укрѣпленную землю сосѣду. «Хуже не будетъ»—въ этомъ онъ крѣпко увѣренъ, и, получивъ еще полтораста рублей отъ продажи «худобы», нашъ курянинъ ѣдетъ поднимать цѣлину въ Забайкальи. Надежда на ссуду правительства играетъ немаловажную роль какъ подспорье, участокъ ему самому, какъ бывшему ходоку, по душѣ. «Только бабы противились», дополняетъ землякъ свой разсказъ, и, какъ бы въ доказательство этого, съ верхней полки слышится женское всхлипываніе...

Въ уголкѣ—одиночка старикъ. Онъ давно ужъ изъ пышной Полтавщины, но лѣтъ пять неизвѣстно зачѣмъ проживалъ въ Оренбургской губерніи. Ѣдетъ онъ съ прежними его односельцами, еще раньше его перебравшимися «подъ Челябу», но теперь вновь поднявшимися съ мѣста. Эти послѣдніе уже вполнѣ утратили и внѣшность и говоръ хохлацкіе, тогда какъ старикъ все еще типичный малоросійскій казакъ, догоняющій сына, «промандровавшаго» на участокъ подъ Томскомъ. Въ Челябинскѣ онъ едва не остался за отсутствіемъ денегъ и паспорта. Лишь удостовѣреніе всѣхъ его спутниковъ, что дѣйствительно ѣдетъ онъ къ сыну, и дѣйствительно имѣетъ тамъ долю, сдѣлало возможнымъ для него дальнѣйшій льготный проѣздъ, потому что вообще масса всякихъ подозрительныхъ личностей и мелкихъ торговцевъ постоянно пытаются воспользоваться дешевымъ тарифомъ, выдавая себя за переселенцевъ, которымъ-де «безпричинно» отказано въ ходаческомъ свидѣтельствѣ. Правда, случаи невыдачи земскими начальниками такихъ свидѣтельствъ бываютъ, составляя нарушеніе правилъ, но они, срав-

нительно, рѣдки, и переселенческіе чиновники съ перваго же взгляда отличаютъ подобныхъ обиженныхъ.

Тѣ, что раньше переселились изъ Полтавской въ Оренбургскую губернію, представляютъ изъ себя яркій образчикъ «бывалыхъ». Они до тонкости знаютъ переселенческіе законы и правила, однажды уже испытали на себѣ ихъ дѣйствіе, и теперь для всего личнаго состава вагона служатъ толкователями всякихъ неясностей. Это—люди огромной иниціативы, энергіи. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ оставили они свои старыя земли и недурно устроились при одной изъ станицъ; теперь къ старожилому обществу приписалось еще много переселенцевъ, семьи всѣхъ увеличились, и обнаружилась тѣснота. Послали ходока на Амуръ, пять семей, облюбовали уже собственно переселенческій участокъ, и, продавъ все рѣшительно, направляются туда полные лучшихъ надеждъ и не безъ денегъ въ карманѣ. «Ближней Сибири попробовали—нужно дальнюю запахать»! Прослышали, конечно, что съ этого года на дальне-восточной окраинѣ ссуды будутъ значительно большія.

Особою группою три семьи пермяковъ—на таежный участокъ Енисейской губерніи. Они хорошо знаютъ, что имъ предстоитъ огромный трудъ по первоначальному устройству хозяйства, такъ какъ прежде всего придется корчевать и чистить землю подъ пашню, но—«мы къ лѣсу привычные—чего ея (т. е. тайги) бояться». Эти люди безъ денегъ, почти безъ имущества. На родинѣ имъ не удалось, пока что, ликвидировать свои надѣлы за ничтожностью предлагаемой цѣны, а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣснота и обида отъ общества—потянуло на волю... Народъ сѣрый, сильно уповаетъ на начальственное попеченіе, на ссуду, на милость Божію. Лошадей и орудія и не думаютъ покупать, расчитывая первый годъ топоромъ и лопатой пробиться.

Ходоки—отъ Волынской, Рязанской, Смоленской губерній—все люди серьезные, проникнутые важностью лежащей на нихъ задачи. Лишь одинъ, по недоразумѣнію, мальчишка лѣтъ двадцати, несомнѣнно безъ опыта, и несомнѣнно не смогущій выполнить самостоятельно трудную задачу осмотра и выбора участка послѣ ознакомленія со всѣми мѣстными условія-

ми. Лучше бы вовсе не думать о переселеніи, чѣмъ посылать такого, но, къ счастію его довѣрителей, въ одно и то же мѣсто подъ Минусинскомъ ѣдетъ другой ходокъ—дѣльный и умный старикъ, обѣщающій помочь разобраться «мальцу». Каждый ходокъ отъ нѣсколькихъ семей, съ строгимъ наказомъ не торопиться и все хорошенько развѣдать. Удивительно то, что тянетъ всѣхъ ихъ теперь какъ можно подальше, гдѣ всего, будто, вволю, про западную же Сибирь они выражаются—«та же Россія». Волынцы прямо хотятъ хуторовъ, видно прельщенные у себя чешскимъ примѣромъ, остальные не имѣютъ опредѣленныхъ намѣреній. Малоземелье на мѣстѣ—прежній лейтъ-мотивъ переселенія.

Наиболѣе характерны—ходоки самовольцы, семейные. Единственнымъ поводомъ, заставившимъ ихъ вопреки всякому здравому смыслу подняться съ семьей и всѣмъ скарбомъ въ дорогу безъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ видовъ на будущее—это письмо свата или дядьки, гдѣ тотъ въ яркихъ краскахъ описываетъ свое благополучіе на новыхъ мѣстахъ. Тутъ не принимается въ соображеніе ни то, что «писатель» предварительно переселенія самъ облюбовалъ и зачислилъ участокъ, что у него были кое-какія деньги; не помогли убѣжденія и на родинѣ и въ Челябинскѣ, что быть можетъ невозможнымъ окажется отвести землю тамъ, гдѣ такъ хорошо устроился когда то родственникъ, — самоволецъ, несмотря на все, спѣшно и убыточно распродаетъ имущество, беретъ для всей семьи билеты общаго тарифа, лишь самъ пользуясь ходаческимъ, и стремится безъ оглядки въ Сибирь—какъ разъ въ ту самую мѣстность, гдѣ, по распространяемымъ всюду особымъ справочнымъ книжкамъ, свободныхъ долей не имѣется. На что расчитываютъ такіе самовольцы?—Прежде всего на то, что родственникъ «непремѣнно устроитъ». Знаетъ самоволецъ, что приписка къ старожильческимъ обществамъ стоитъ дорого, знаетъ, что нѣкоторыя общества и вовсе не принимаютъ «дописельщиковъ», что кругомъ всѣ переселенческіе участки заполнены,—но тѣмъ не менѣе идетъ на проломъ. Что ждетъ такихъ самовольцевъ на мѣстѣ?

Съ этимъ вопросомъ, какъ онъ разрѣшается жизнью, намъ придется не разъ еще встрѣтиться, здѣсь же

невольно беретъ оторопь передъ подобной стихійностью,—трудно равнодушно пройти мимо недоумѣнныхъ взоровъ дѣтишекъ и женъ, какъ будто бы лучше хозяевъ понимающихъ весь рискъ предпріятія.

Изъ одного вагона переходимъ въ другой, третій. Все то же, съ небольшими варіантами. Есть люди живые, бодрые, полные вѣры въ себя и свое будущее; они смотрятъ на переселеніе, какъ на естественный выходъ изъ труднаго положенія и своего и сосѣдей; желанія ихъ скромны, денегъ немножко прикоплено—вѣрный залогъ того, что не пропадутъ эти переселенцы. А есть и другіе—хмурые, забитые. Слова не вытянешь—явные неудачники и прежде, голь перекатная. Ни денегъ, ни хлѣба уже теперь—рѣдкіе изъ нихъ надѣются на лучшее. «Что съ ней дѣлать, съ землей-отъ, когда силушки нѣтъ обернуться». И тысячу разъ правы эти несчастные, которымъ ни къ чему десятки десятинъ, разъ не на что купить лошадь и возъ, чтобы добраться до нихъ, разъ жена и дѣти больны, худосочны и голодны. Къ чему и какую имъ ссуду?

Однако, такихъ въ нашемъ поѣздѣ мало, да и меньше ихъ вообще за послѣдніе годы. А вѣдь раньше вагоны сплошь набивались подобными культуртрегерами, заполнявшими потомъ обратные поѣзда и разносившими по всей Россіи молву о «жестокой» Сибири.

Лихорадочно суетится съ оравой дѣтей, малъ-мала меньше, коренастый крестьянинъ, орловскій. У него необъятное горе: передъ Челябинскомъ серьезно заболѣла жена и ей пришлось остаться въ больницѣ на пунктѣ. Надежды на выздоровленіе почти нѣтъ, а хозяину нужно спѣшить—приближается окончательный срокъ сохраненія за нимъ зачисленнаго участка. Не на кого было оставить дѣтишекъ въ Челябинскѣ, и вотъ онъ ѣдетъ съ пятью... Не ласково встрѣтитъ его новоселье!

Одинъ вагонъ полонъ рабочими. Всѣ изъ «Россіи»—кто на «Амурку», кто на золото, а кто и на сельскія работы—всѣ по льготному тарифу, большей частью изъ неурожайныхъ мѣстъ. Надѣются подработать, вернуться домой, а нѣкоторые—и участочекъ приглядѣть. За послѣднее время, какъ оказывается, этотъ свое-

образный видъ ходачества пришелся по вкусу крестьянамъ. Дѣйствительно, на заработкахъ легче всего присмотрѣться къ условіямъ жизни, и уже опытъ показываетъ, что прежніе рабочіе наиболѣе дѣльно устраиваются на чужбинѣ.

Интересно слышать общія впечатлѣнія переселенцевъ о перевалѣ «Россія и Азія». Условіями пути вообще довольны, особенно пріятно имъ то, что дѣти даромъ получаютъ на пунктахъ хорошее молоко, бѣлый хлѣбъ и борща чашку, да и сами пассажиры по ихъ собственному завѣренію, не всегда и дома имѣли такія вкусныя щи, какъ, напр., за 4 копейки въ Челябинскѣ. Хорошо также то, что и спать всѣмъ возможно, и за «порядкомъ» слѣдятъ. «Порядокъ»—это въ данномъ случаѣ чистота, дѣйствительно строго наблюдаемая сопровождающей каждый поѣздъ фельдшерицею, не разъ обходящей вагоны и несущей отвѣтственность за своевременное предупрежденіе заболѣваній. Санитарный вагонъ—послѣдній въ поѣздѣ, съ четырьмя койками на всякій случай, съ маленькой аптечкой и помѣщеніемъ для фельдшерицы (обычно слушательницы старшаго курса института) и сторожа. Свѣтло и хорошо въ этомъ вагонѣ, неприглядной обстановкѣ котораго молодая женская рука умудряется придать извѣстный уютъ. На сей разъ нѣтъ больныхъ у нея, да и вообще мало бываетъ, а есть такая «счастливица», у которой почти всегда всѣ кровати заняты роженицами. Новые сыны Сибири!

Переселенческое начальство «вольготнѣе», говорятъ пассажиры. «Онъ и объяснитъ, и укажетъ, и безъ крику, безъ ругани. Это тебѣ не нашъ земскій!..»—съ непередаваемой интонаціей слышится въ поѣздѣ.

Но меня интересуетъ еще дѣятельность нашихъ земствъ, объединившихся въ числѣ нѣсколькихъ южныхъ на почвѣ переселенія въ областную организацію.

— Ну, а видали вы, спрашиваю, агентовъ, вашихъ же земляковъ, обязанныхъ между прочимъ «заботиться о предоставленіи ходокамъ и переселенцамъ удобствъ въ пути слѣдованія»? *—«Мы про этихъ не знаемъ», отвѣчаютъ мнѣ буквально всѣ ѣдущіе...

---

* § 45 инстр. земскимъ агентамъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Но здѣсь, вѣроятно, простое недоразумѣніе, которое должно разъясниться впослѣдствіи.

Минуемъ Петропавловскъ, акмолинскій, на Ишимѣ—главную станцію высадки для слѣдующихъ въ этотъ раіонъ. Кругомъ безконечная степь и изрѣдка рѣдкій лѣсокъ, озерцо или рѣчка.

Остановка въ Омскѣ, гдѣ сосредоточенъ центральный переселенческій складъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, дѣлающій теперь многомилліонные обороты. Отсюда во всѣ уголки Сибири шлются конныя грабли, молотилки, повозки, жнеи, плуги и косилки, продаваемыя переселенцамъ въ разсрочку на льготныхъ условіяхъ,—здѣсь же переселенческій пунктъ, также съ столовой, больницей, бараками. Въ Омскѣ оставляютъ поѣздъ всѣ тѣ, кому нужно въ Семипалатинскій и частью Акмолинскій раіоны, причемъ въ первый дальнѣйшее движеніе совершается пароходомъ, вверхъ по Иртышу.

Въ нашемъ поѣздѣ всѣ ѣдутъ дальше и поэтому нѣтъ суетни. Общее вниманіе привлекаетъ на платформѣ вокзала группа важныхъ китайцевъ, ожидающихъ экспресса. По слухамъ это губернаторъ, «добромъ попрошенный» изъ Монголіи и слѣдующій со свитой на Пекинъ. Лица, костюмы, а главное косы поражаютъ своей необычностью переселенцевъ, и сыпятся безобидныя шутки.

Начинаетъ темнѣть, поднимается вѣтеръ, крутитъ пыль, и мы снова въ вагонѣ.

Уже улегается общее возбужденное настроеніе первой недѣли пути. Долго еще ѣхать большей части народа, дѣловыя всѣ рѣчи пріѣлись, уже всюду раскатистый хохотъ и пѣсни,—обнаруживается, конечно, и виртуозъ на гармоникѣ, не хватаетъ лишь пляски. Сгладились всѣ мѣстныя «тренія», нѣтъ уже здѣсь ни «мазепъ» ни «кацаповъ»—всѣ «сибирскіе люди», единые. На станціи Татарской я оставляю своихъ спутниковъ, отъ души пожелавъ всѣмъ имъ всякихъ успѣховъ.

IV.

Станція Татарская *— самый западный пунктъ Томскаго раіона, излюбленнаго переселенцами. Теперь лишь къ сѣверу отъ нея имѣются свободныя доли, вся же остальная часть Каинскаго уѣзда, и дальше къ югу весь Барнаульскій уѣздъ уже безъ остатка заполнены.

Въ колонизаціонномъ процессѣ именно этой мѣстности было нѣчто стихійное. Еще въ началѣ девятисотыхъ годовъ заселеніе всей западной границы - полосы Томской губерніи, составляющейся изъ южной части Барабинской и всей Кулундинской степей, считалось дѣломъ немыслимымъ, вслѣдствіе засоленія почвы первой и безводности второй. Отдѣльныя попытки переселенческаго вѣдомства въ этомъ отношеніи подвергались жестокимъ нападкамъ, но съ передачею значительной части земель Барнаульскаго уѣзда (въ томъ числѣ и Кулундинской степи) изъ вѣдѣнія Кабинета Его Величества въ казну подъ переселеніе, и послѣ того, какъ на эти земли хлынулъ буквально неудержимый потокъ переселенцевъ, занявшихъ сразу же всѣ участки близъ старожильческихъ селеній, расширились, силою вещей, и границы колонизаціоннаго фонда, захвативъ также степь Кулундинскую. Въ 1908—1909 г.г. начались тамъ работы по водворенію, а въ настоящее время—свободныхъ долей для ходоковъ уже нѣтъ, и вся степь ожила, покрывшись селеніями и изъ пустой обратившись въ густо заселенный, богатый, по отзывамъ, край. Нѣсколько раньше Кулунды заселился и югъ Барабинской степи, непосредственно примыкающій къ сѣверу первой, и такимъ образомъ весь западъ губерніи въ какихъ нибудь 3—4 года рѣзко измѣнилъ свой обликъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіемъ, общимъ въ данное время для всего Зауралья. Тогда какъ въ центральной Россіи экономическое развитіе извѣстныхъ центровъ обусловливается подчиненными опредѣленной закономѣрности причинами, — въ Сибири, подъ вліяніемъ переселенія, нынѣ происходитъ стремительная

* г. Татарскъ, Том. губ.

переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Растутъ и богатѣютъ новыя селенія, образовываются города на до-селѣ безвѣстныхъ мѣстахъ, а старые нерѣдко и вовсе утрачиваютъ былое значеніе.

Объ успѣхахъ культуры Кулундинской степи говорятъ теперь всѣ отъ Челябинска, и тяготѣніе къ Кулундѣ и окрестностямъ переселенцевъ со всѣхъ уголковъ Россіи—фактъ совершенно безспорный. Чуть ли не всѣ самовольцы направляются именно туда; жители даже сосѣднихъ губерній Тобольской и Оренбургской, имѣющіе право вновь переселяться лишь на Дальній Востокъ, выправляютъ соотвѣтственные документы... но слѣзаютъ съ вагоновъ въ Татарскѣ или Новониколаевскѣ, чтобъ итти на авось въ Кулунду. Даже «легальные» переселенцы, слѣдующіе въ другія мѣста, нерѣдко увлекаются славою новой «америки» такъ, что бросаютъ свой путь на срединѣ, требуютъ разницу за оплоченные дальше билеты, и идутъ опять таки въ Кулунду, сознательно обращаясь въ самовольцевъ. Все это, и многіе другіе разсказы про Кулундинскую степь, какъ про какую то обѣтованную землю едва ли не съ кисельными берегами, глубоко заинтересовало меня. Заѣхавъ туристомъ въ Сибирь, нужно было конечно воспользоваться случаемъ и обратиться къ первоисточнику ея современной эволюціи, переселенцамъ,—познакомиться съ ихъ водвореніемъ, устройствомъ на новыхъ мѣстахъ, обживаніемъ и бытомъ. Кулундинская степь должна была дать въ этомъ отношеніи достаточно типичный матеріалъ, тѣмъ болѣе поучительный, что мнѣніе о Кулундѣ, какъ о великолѣпномъ фондѣ, гдѣ все идетъ гладко, не всѣми еще раздѣляется.

Съ одной стороны, экономическое развитіе степи и прилегающей мѣстности, настолько ужъ будто блестяще, что постройка даже желѣзной дороги отъ Татарска до Славгорода—центральнаго поселка Кулунды—является неотложно необходимой; съ другой—великое сомнѣніе въ прочности случайнаго благополучія жителей, и вообще въ будущности края,—полное осужденіе дѣятельности переселенческаго вѣдомства, поддерживающаго развитіе селеній и «открывшаго казенный сундукъ въ мѣстности, гдѣ бы безъ золота и трава не росла».

По направленію предположенной желѣзной дороги, вплоть до сердца Кулунды—этого «спорнаго» Славгорода, я и рѣшился проѣхать.

И тутъ въ Татарскѣ, глухомъ и грязномъ Сибирскомъ заштатномъ городишкѣ, первый вѣстникъ цивилизаціи края: грузно покачиваясь на ходу, оставляя широкій слѣдъ на глубокой пыли и растирая въ порошокъ комья глины, напротивъ станціи къ пункту подходитъ автомобиль—«Томскій переселенческій раіонъ. № 1».

Переселенческій автомобиль (Барабинская степь).

Оказывается, что уже съ мая 1911 года между Татарскомъ и селомъ Купинымъ, на разстояніи 165 верстъ по направленію къ Славгороду, мѣстной переселенческой организаціей открыто ежедневное правильное товаро-пассажирское сообщеніе автомобилемъ для всѣхъ желающихъ, при стоимости переселенческаго билета втрое дешевле обычнаго.

Пользуемся, конечно, этимъ неожиданнымъ способомъ передвиженія, спѣшимъ скорѣе захватить послѣднее оставшееся свободнымъ мѣсто, и черезъ какой-нибудь часъ медленно двигаемся въ дорогу. Четырнад-

цать пассажировъ на четырехъ скамейкахъ лицомъ и спиною къ шоферу—сзади отдѣленіе для багажа—все заполнено. На первыхъ же кочкахъ основательно встряхиваетъ, такъ какъ шины не пневматическія, но скоро выѣзжаемъ на трактъ, и развиваемъ скорость верстъ въ 30.

Казаткулъ, Кулунду—селенія почти сторожилыя, образованія девяностыхъ годовъ, проѣзжаемъ безъ остановки — ничего особенно интереснаго они не представляютъ; лишь вокругъ видны отдѣльныя хаты—это переселенцы послѣдняго времени, «допринятые» мѣстными обществами и выселившіеся на «заимки»; нерѣдки озерца, довольно часто мелкіе лѣса, березнякъ и осина—«колки» по здѣшнему,—въ общемъ природа не яркая, близкая по тонамъ къ нашей сѣверной. Незамѣтно прокатываемъ около половины автомобильнаго пути, и остановка въ Юдинѣ, тоже почти старожильческомъ селеніи, расположенномъ на западномъ берегу мѣстнаго внутренняго моря—Чановъ.

Нѣсколько верстъ передъ Юдинымъ автомобиль идетъ берегомъ этого огромнаго озера, изобилующаго рыбой настолько, что, при наиболѣе примитивныхъ способахъ, ея вылавливается ежегодно до 300 тысячъ пудовъ. Всѣ селенія кругомъ кормятся этой рыбой, экспортируютъ ее за 80 верстъ къ магистрали, но затруднительность гужевой перевозки заставляетъ многихъ крестьянъ отказываться отъ этого выгоднаго по существу предпріятія. Здѣсь впервые слышу я вопль о «чугункѣ». Всѣ юдинцы буквально больны желѣзнодорожной лихорадкой—любой разговоръ они сводятъ къ вопросу «когда-же дорога»,—всѣ остальные интересы отошли у окрестныхъ жителей на задній планъ.

Озеро Чаны на рѣдкость красиво. Протяженіемъ на сотни квадратныхъ верстъ, оно переливается на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, отражая то прѣсные, то соленые массивы,—исключительно чиста и прозрачна его вода. Единственный недостатокъ озера, это ничтожная глубина, дѣлающая немыслимымъ сообщеніе на судахъ даже и средне-глубокихъ.

Слѣдуемъ дальше. Окрестности уже интереснѣе—подъ самымъ Юдинымъ большіе курганы—могилы киргизскихъ вельможъ. «Колковъ» меньше, меньше также

мелкихъ болотъ и солонцеватости почвы, но за то чаще встрѣчаются чистыя озера разнообразныхъ оттѣнковъ, уже лучше овсы, пшеница, больше дичи—гусей, утокъ и куликовъ, огромными стаями поднимающихся съ воды. «Лѣсо-степь» на исходѣ—недалеко, сравнительно, Кулунда.

На берегу озера Чаны.

Къ вечеру—конецъ автомобильнаго пробѣга—двадцатилѣтнее Купино, развившееся необычайно за послѣдніе годы. Получивъ огромный надѣлъ въ 12 съ лишнимъ тысячъ десятинъ земли, мѣстное сельское общество доприняло многихъ переселенцевъ, и теперь, по настоянію послѣднихъ, создавшихъ едва ли не большинство на сходѣ, заканчиваетъ свое внутринадѣльное размежеваніе—явленіе почти повсемѣстное и характерное крайне. Сначала переселенцы мирятся съ отводимыми имъ основнымъ обществомъ надѣлами, большей частью не важнаго качества, но, по мѣрѣ усиленія новаго элемента въ селеніяхъ, послѣдній поднимаетъ свой голосъ и протестуетъ противъ захватнаго старожильческаго порядка. Въ результатѣ безконечныхъ споровъ и дрязгъ—ходатайство о ссудѣ изъ

казны, и переселенческое управленіе обычно разрѣшаетъ ея выдачу, въ размѣрѣ половины той суммы, которую общество обязывается уплатить землемѣрамъ.

Повсюду работаютъ частныя землемѣрныя компаніи, контролируемыя переселенческими чинами и конкурирующія другъ съ другомъ, благодаря чему цѣны на землемѣрныя работы здѣсь сильно понижены (до 27 коп. съ дес.). Самый раздѣлъ въ Купинѣ конченъ, по одному отрубу пахотному и одному солонцовому на домохозяина, при 15 десятинной душевой нормѣ, но и теперь, конечно, много недовольныхъ, особенно изъ тѣхъ, кто раньше пахалъ гдѣ угодно. Безъ этого не обойтись, конечно.

Въ Купинѣ-же, какъ волостномъ центрѣ, отдѣленіе переселенческаго склада сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Это первый вѣдомственный складъ, который мнѣ пришлось посѣтить, вообще же взоръ всякаго новаго человѣка, проѣзжающаго по западно-сибирскимъ деревнямъ совсѣмъ недавняго заселенія, поражаетъ то, что почти въ каждой изъ нихъ имѣется частный сельско-хозяйственный складъ, а то и нѣсколько, производящихъ недурныя операціи въ средѣ окрестныхъ жителей и взаимно перебивающихъ покупателей. Понятно, при этихъ условіяхъ, что отъ переселенческаго, т. е. казеннаго, склада слѣдовало ожидать образцовости, но, къ сожалѣнію, полученное впечатлѣніе лишь отчасти оправдало эти ожиданія.

Конечно, по обширности площади, по множеству всякихъ орудій, количеству запасныхъ частей и общему распорядку на складѣ, вѣдомственное предпріятіе несравненно стоитъ выше другихъ, обладая для того и огромными средствами. Нужныхъ же въ данный моментъ машинъ не оказывается... Пока пойдетъ «отношеніе» въ Омскъ, пока оттуда сдѣлаютъ распоряженіе о соотвѣтственной высылкѣ—протекаютъ недѣли, требованія измѣняются, спроса ужъ нѣтъ, а за это время частный складъ обернется и опередитъ переселенческій въ предложеніи.

Образчикъ такой неурядицы—именно Купинскій складъ. Онъ полонъ прежде всего кустарными молотилками—тяжелыми, неудобными и крайне дорогими. Ихъ никто не беретъ, за доказанной непрактичностью,

хотя выставлены онѣ на видномъ мѣстѣ, и хотя всѣмъ предлагаются. Купино — слишкомъ культурный ужъ центръ, чтобы сбывать эти вещи! Еще ближе отъ входа стоятъ «лобогрѣйки» брянскаго завода, въ разобранномъ видѣ, «чтобы не пугать покупателя ихъ громоздкостью». Но опять таки мѣстные крестьяне, испробовавъ единожды эти машины, наряду съ соотвѣтствующими имъ,—какъ, напр., марки «Аксай» завода Нахичеванскаго, ни за что не хотятъ брать первыхъ, требуя вторыя. Есть и «Аксай» на Купинскомъ складѣ, но тѣ спрятаны въ глубинѣ. «Коммерческій» способъ веденія дѣла требуетъ сбыть залежавшійся товаръ, и это нерѣдко удается...

А завѣдывающіе складами мѣняются по несчастной случайности такъ часто, что не успѣваютъ совсѣмъ ознакомиться съ рынками. И тѣмъ не менѣе, несмотря на все, склады дѣлаютъ по сотни тысячъ оборота въ годъ каждый—такъ велика потребность въ машинахъ здѣсь, гдѣ рабочихъ рукъ не достать, и гдѣ почти у каждаго крестьянина конныя косилки и грабли. Но невольно приходитъ на мысль: не лучше ли убрать переселенческіе склады изъ мѣстъ, уже сплошь заселенныхъ, гдѣ много и частныхъ предпринимателей? Не полезнѣе ли будетъ ихъ дѣятельность на тяжелыхъ и трудныхъ окраинахъ?

Въ Купинѣ строится огромная переселенческая больница, здѣсь же опытное поле департамента земледѣлія съ пробными озимыми посѣвами пшеницы и ржи, дающими, пока-что, весьма средніе результаты; при этомъ учрежденіи метеорологическая станція, ибо Купино—мѣстность съ наименьшимъ ежегоднымъ количествомъ осадковъ во всей степи—170 мил. Вообще дѣло идетъ понемножку, благодаря энергіи и увлеченію работой завѣдывающаго. А главная движущая сила всѣхъ начинаній—... отецъ Евгеній, милѣйшій настоятель здѣшняго храма, не мыслящій ни себя внѣ Купина, ни Купина безъ себя. Онъ не только душою и сердцемъ сжился съ мѣстными нуждами, но и собственными деньгами участвуетъ въ опытномъ полѣ, широко кредитуя послѣднее.

Смѣсь обычаевъ, лицъ и рѣчей въ этомъ огромномъ селѣ, объединившемъ въ общежитіе крестьянъ

чуть ли не съ половины губерній. Дѣйствительно, единственный выходъ для всѣхъ, въ смыслѣ сколько-нибудь мирнаго и производительнаго землепользованія, это размежеваніе, въ остальныхъ же областяхъ приложенія сельско-хозяйственнаго труда наблюдается полное единеніе.

Самое «модное» дѣло теперь, это крестьянскія товарищества по производству и сбыту масла. Подобныя образованія раскинулись по всей округѣ и многіе жители уже извлекаютъ изъ скотоводства значительный доходъ, даже при настоящихъ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ транспорта. Еще по даннымъ 1908 года три смежныя волости (въ томъ числѣ и Купинская) давали на магистраль около 70 тысячъ пудовъ готоваго масла— это при отсутствіи всякой организаціи. Съ того времени дѣло разрослось широко, и понятно, поэтому, что и здѣсь лишь одинъ разговоръ и больнѣйшій вопросъ — о дорогѣ, которая-де освободитъ всѣхъ отъ всякихъ излишковъ, теперь малоцѣнныхъ за дороговизной доставки, и дастъ возможность «обжиться», т. е. пріобрѣсти за умѣренную цѣну все то, что такъ необходимо особенно при молодомъ еще хозяйствѣ,— хотя бы мануфактуру, желѣзо, стекло.

Отсутствіе такихъ, именно простыхъ и необходимыхъ рѣшительно всѣмъ, вещей домашняго и хозяйственнаго употребленія рѣзко бросается въ глаза наряду съ той «хлѣбной» зажиточностью, которая и не снилась въ «Россіи». Привыкнувъ въ послѣдней начинать разговоры съ крестьяниномъ о землѣ, здѣсь чувствуешь, что не въ ней пока главная сила — ея достаточно, земельнаго вопроса не существуетъ. А вотъ, какъ достать хорошаго лѣса на избы, вмѣсто кривыхъ двухъ вершковыхъ березокъ, такихъ неудобныхъ для стройки, да покрыть бы желѣзомъ, да кирпичу бы немного — вотъ это задача. Отецъ Евгеній, подвижной и горячій обычно, положительно «загорается» при упоминаніи о возможной дорогѣ. У него готовы всѣ цифры, доказательства убѣдительны—никто такъ хорошо не знаетъ экономическихъ условій округи, какъ отецъ Евгеній. «Дорога нужна, она необходима какъ клапанъ въ насыщеной паромъ машинѣ». И стоитъ любому совѣщанію, хотя бы тѣхъ же переселенческихъ чиновъ, со-

стояться въ Купинѣ—отецъ Евгеній уже «ходатайствуетъ» о допущеніи его съ «совѣщательнымъ голосомъ». Много пользы своимъ землякамъ приноситъ этотъ живой человѣкъ.

Дальше въ степь. Все что раньше—живетъ безъ нужды,—чисто русская деревня, только сыты какъ будто, кругомъ, да просторно вездѣ. Дадутъ здѣсь желѣзную дорогу— и не надъ чѣмъ больше будетъ задумываться уже обвыкшимъ крестьянамъ, не скрывающимъ своего общаго удовлетворенія. Церкви, школы, больницы—все либо есть, либо строится, и если бы не урѣзывались вчетверо «по бюджетнымъ соображеніямъ» ежегодно испрашиваемые мѣстнымъ переселенческимъ раіономъ кредиты на благоустройственныя и иныя нужды мѣстнаго населенія, то совсѣмъ хорошо устроилась бы жизнь этой мѣстности.

Какъ ни странно, но съ огромнымъ удовольствіемъ смѣняешь автомобиль на «дрожины»—повозку обще-сибирскаго типа, и, уже въ одиночествѣ, упиваешься все шире и шире открывающимся горизонтомъ.

Еще ровнѣе стала дорога, еще больше и чаще озера, иногда рѣчки—узкія, извилистыя. Почти не встрѣчается лѣса, суше сталъ воздухъ и ароматнѣе, быстро мелькаютъ поселки—хотя и болѣе поздняго образованія, чѣмъ Купино, но вполнѣ ужъ обстроившіеся и чище послѣдняго. Обстановка пути, прелестнаго въ своемъ однообразіи, заставляетъ незамѣтно промелькнуть девяносто верстъ трехъ перегоновъ при непрестанномъ еще разговорѣ съ ямщиками все о той же желѣзной дорогѣ—единственномъ предметѣ, который способенъ, какъ будто, дѣйствительно волновать новоселовъ, и мы уже на границѣ Барнаульскаго уѣзда—на сей разъ въ типичномъ и настоящемъ сторожиломъ селеніи—Черной Курьѣ.

Для меня все здѣсь ново, и все интересно. И несообразная, съ точки зрѣнія европейскаго обывателя, ширина главныхъ улицъ, и двухъэтажныя избы съ «чистой» половиной, убранной такъ, какъ обычно у сельскаго батюшки, съ грамофономъ, картинами, и самые люди, такіе мощные, умные, свободные въ обращеніи. Здѣсь еще дѣды осѣли, и теперешнее поколѣніе вполнѣ усвоило себѣ чисто сибирскую самостоятельность и широкія за-

машки. Послѣднимъ, однако, былъ положенъ извѣстный предѣлъ приселеніемъ къ нимъ новоселовъ, причемъ повторилась обычная исторія: нынѣ общество находится въ періодѣ разверстанія на отруба, подъ вліяніемъ хохловъ изъ подъ Харькова. и такимъ образомъ пришелъ конецъ вольной распашкѣ. Впрочемъ, не всѣ еще доли здѣсь заняты, такъ какъ слишкомъ дорого хотятъ черно-курьинцы за пріемный приговоръ, но приближается конецъ того срока, который дается обществамъ на добровольное принятіе новыхъ сочленовъ, и по истеченіи котораго приселяетъ казна ужъ безплатно. Это обстоятельство побудитъ, вѣроятно, старожиловъ умѣрить свои вожделѣнія, но пока они держатся крѣпко.

Посѣвъ здѣсь, въ среднемъ, до девяти десятинъ на хозяина—овса и пшеницы. Остальная земля, при полной душевой нормѣ, пустуетъ, и много еще есть цѣлины,—«вотъ дорога пройдетъ, такъ запашемъ». И дѣйствительно, въ этомъ поселкѣ, въ 250 верстахъ отъ магистрали, и въ такомъ же разстояніи отъ ближайшей пристани на Оби, какой смыслъ заботиться объ излишкахъ? Благо всего своего хватаетъ, а денегъ нужно – бьютъ масло, также объединившись въ артель.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги черно-курьинцы расчитываютъ удесятерить свое благосостояніе путемъ, главнымъ образомъ, обмѣна хлѣба, масла и соли, въ обиліи добываемой изъ окрестныхъ озеръ, на лѣсъ для всякаго рода хозяйственныхъ зданій,—на скотъ племенной, на культурныя нужды.

И расчеты здѣсь вѣрные, а покуда что—пшеница въ ближайшемъ городѣ Павлодарѣ отдавалась едва ли не даромъ...

Бѣшенымъ карьеромъ выноситъ меня невзрачная на видъ тройка изъ Черной Курьи. Это—настоящая сибирская ѣзда, своего рода старожильческая традиція, не воспринятая еще «самоходами»—какъ презрительно называютъ здѣсь почему-то переселенцевъ. Послѣдніе не остаются въ долгу, обижаясь за это прозвище, и «чалдонъ»—полуругательной синонимъ безшабашнаго старожила.

Подъ постоянные окрики ямщика мчится безостановочно тройка. Никогда истый сибирякъ не унизится

до перевода лошадей на шагъ: осадивъ круто, онъ оправляетъ сбрую, дѣлая видъ, что что-то не сладилось, даетъ такимъ образомъ пяти-минутную передышку, и вновь съ характернымъ «ги-ля!..», пускаетъ маршъ маршемъ коней.

Еще одно старожилое селеніе, земли котораго вмѣстѣ съ черно-курьинскими составляютъ издавна заселенную узкую полосу-границу съ востока на западъ между Кулундинской и Барабинской степями,—и мы уже около дна того доисторическаго океана, остатками котораго считаются Каспійское и Аральское моря. Многовѣковая работа рѣкъ превратила это дно въ степь, отложивъ цѣлый рядъ наслоеній, и такъ началась Кулунда.

Киргизы, впрочемъ, объясняютъ ея современныя естественныя условія по своему. Изгнанный Богомъ изъ рая, надъ Кулундою летѣлъ внизъ шайтанъ, и плакалъ. Но возмущенный внезапно однообразіемъ мѣстности и ея безлюдностью — онъ возгорѣлся злобой, и, желая сдѣлать непріятное Творцу вселенной, плюнулъ какъ разъ по серединѣ степи. Тысячи брызгъ полетѣли на землю, и тамъ, гдѣ онѣ упали, образовались горько соленыя озера, а гдѣ падали его слезы раскаянья—стали озера прѣсныя...

Не лишенная нѣкоторой поэзіи, киргизская легенда заставляетъ, однако, задуматься: должно быть ужъ очень неприглядна Кулунда, возмутившая даже шайтана.

Переѣхавъ рѣченку Бурлу, замѣчательную тѣмъ, что теченіе ея, по разсказамъ, направляется то въ одну, то въ другую сторону, мой ямщикъ, старожилъ, начинаетъ выражать явное недоумѣніе. Да и есть отъ чего. По обѣимъ сторонамъ дороги, насколько глазъ видитъ, колосится такая пшеница, какой никогда и нигдѣ не удавалось мнѣ видѣть,—чистая, крупно-колосная, густая, высокая. Ей на смѣну ячмень и овсы, такіе же удивительные,—все сплошное, богатое—будто по образцовымъ полямъ образцоваго имѣнія лежитъ нашъ путь. «Этакое богатство, прости Господи», вздыхаетъ ямщикъ,—«а вѣдь подъ бокомъ оно было, да не замѣтили». Разгораются глаза старожила, и даже тройка не увлекаетъ по прежнему—мы пріѣхали въ Кулунду.

Диву даешься этой рѣзкости перехода. Тогда какъ

раньше кругомъ всѣ хлѣба были качества средняго, и лишь большія ихъ площади отличали Сибирь отъ «Россіи»,—здѣсь, какъ по мановенію ока, стоило лишь вступить на землю безнадежную по прежнимъ предположеніямъ, и видишь картину нежданную, глубоко поражающую. Это ли голодная и проклятая степь?!

Въ результатѣ аханій и оханій мой ямщикъ такъ увлекается обзоромъ всей мѣстности, что забываетъ свернуть, куда слѣдуетъ, и мы дѣлаемъ кругу верстъ десять,—лично для меня только выигрышъ.

Огромное обиліе рѣдкаго по качеству хлѣба совершенно скрашиваетъ и заставляетъ забыть полное отсутствіе древесной растительности. На горизонтѣ ни облачка, ровная какъ скатерть дорога, дивный воздухъ отъ особыхъ цвѣтовъ и полыни по обочинамъ, стрекотаніе кузнечиковъ,—степь поетъ и благоухаетъ. Проѣзжаемъ нѣсколько поселковъ—тоже видъ совершенно необычный: по сторонамъ еще болѣе широкой чѣмъ въ старожилыхъ селеніяхъ улицы, низкіе, длинные бѣлые домики изъ самана (глины съ цементомъ), цвѣтники передъ ними, усадьбы огороженныя, не скученныя. Обгоняемъ огромныя парныя телѣги на желѣзномъ ходу, полныя сѣна, тутъ же встрѣчаемъ въ разгарѣ работы жнейку-сноповязалку, снимающую пшеницу; сельская жизнь бьетъ ключемъ, но какъ-то по новому, слишкомъ все носитъ западно-фермерскій отпечатокъ, будто и не въ Россіи находишься.

Оказывается, что это хохлы, екатеринославцы и херсонцы, въ перемѣшку съ нѣмцами менонитами, тысячами облюбовавшіе Кулунду и нашедшіе въ ней всѣ вообще вторую, богатую родину.

Чистота и порядокъ въ поселкахъ. Четыре года, не болѣе, какъ вступила сюда нога человѣческая, а побывать въ хатѣ, да осмотрѣть полный орудіями и инвентаремъ дворъ иного хозяина—такъ кажется, будто десятками лѣтъ создавалось это дѣйствительное, а не показное благополучіе. Да и можетъ ли быть иначе, когда, чѣмъ ближе къ центру степи, тѣмъ обширнѣе посѣвъ на семью,—когда земля даетъ одинаково хорошіе урожаи конопли, проса, клевера, вики, картофеля.

Перемѣняю лошадей въ Подсосновскомъ, новой волости, гдѣ общество уже находитъ возможнымъ пла-

тить своему писарю полторы тысячи рублей и подумываетъ объ устройствѣ за свой личный счетъ школы и больницы; скачу еще десятка четыре верстъ среди нескончаемыхъ пшеничныхъ полей, и вотъ уже преддверіе Славгорода, въ шести верстахъ отъ него, поселокъ Архангельскій, образованный и населенный исключительно выходцами изъ Малороссіи, на десяти тысячномъ земельномъ надѣлѣ, шесть тысячъ десятинъ изъ котораго сполна уже поступили въ обработку.

Жнейка-сноповязалка въ работѣ (Кулиндинская степь).

Въ среднемъ тридцать десятинъ на семью, а иные и семьдесятъ. Слышала ли объ этомъ крестьянская Русь? Та, откуда вышли эти херсонцы, имѣя 5—6 десятинъ. Какъ, какимъ образомъ въ четыре года они успѣли настолько обжиться?

Переселившись всѣмъ обществомъ, каждый привезъ сюда не менѣе 300 рублей. Ссуды еще полтораста, и въ первый годъ успѣли, заложивъ временныя дерновыя постройки, и сразу же пріобрѣтя едва ли не на всю остающуюся сумму лошадей и сѣмянъ, собрать по тысячѣ пудовъ разнаго хлѣба.

Затѣмъ—*неурожая здѣсь не было*. Отсюда и все благополучіе, при неустанной осмысленной работѣ и

полномъ почти воздержаніи отъ водки. Одно горе—нѣтъ настоящаго рынка, такъ какъ Славгородъ, куда везутся всѣ безъ исключенія излишки, даетъ минимальныя цѣны. «Когда же дорога?»—только и ждалъ я этого вопроса. «Вотъ тогда бы...» и пошли прежнія, слышанныя мною на всемъ протяженіи пути, разсужденіе на тему о возможномъ благоденствіи. «Даромъ бросаемъ хлѣбъ, а такого нигдѣ не видали», съ обидой говорятъ архангельцы.

Они—баре. Имъ уже нѣтъ охоты по воскресеньямъ двигаться въ Славгородскую церковь, они построили временно часовню, приглашаютъ священника къ себѣ. Образовали духовное братство—полное отрѣшеніе отъ вина, взаимопомощь,—очевидно примѣръ съ менонитовъ. Строятъ школу, хотятъ размежевываться,—удобнѣе будетъ свою лично пахать, все равно вѣдь земля одинакова.

Передъ домами, внутри такими чистыми и уютными, цвѣтники изъ піоновъ, и масса подсолнуховъ. Еще раньше я былъ удивленъ, видя это излюбленное малороссійское лакомство растущимъ стройными и широкими рядами на многихъ поляхъ среди хлѣба, и только тутъ получилъ объясненіе: постоянныя вьюги зимою разметаютъ весь снѣгъ, и земля, лишенная теплаго покрова, промерзаетъ. Чтобы снѣгъ задержать, и тѣмъ сохранить плодородность почвы, оставляютъ стволы отъ подсолнуховъ. Просто и ясно какъ и все, что здѣсь дѣлается.

Наконецъ—самый Славгородъ. 315 верстъ промелькнули совсѣмъ незамѣтно, четверо сутокъ дороги не оставили и тѣни усталости. Такъ же стремительно проходитъ все лучшее въ жизни: тянется безъ конца лишь тяжелое,—оглянешься назадъ, хотѣлъ бы продолжить яркія переживанія, а они исчезаютъ какъ дымъ...

V.

Посреди Кулунды, у соленыхъ озеръ,
Гдѣ ни рѣкъ, ни лѣсовъ, ни синѣющихъ горъ,
Гдѣ „рассейскій“ народъ пухнетъ съ голоду,
Тамъ начальство велѣло быть городу.

* * *

И по щучьему слову поселокъ расцвѣлъ,
И купца за собой въ Кулунду онъ привелъ;
Хоть въ поселкѣ и дѣлать то нечего,
Да начальствомъ, вишь, все обезпечено.

* * *

Ужъ сбираются строить стальные пути,
Чтобъ удобнѣе было товары везти;
А пока въ оправданіе рвенію
Имя „Славгородъ“ дали селенію.

* * *

И теперь, о поселкѣ заботой полны,
Изъ него норовятъ сдѣлать городъ чины...
А народъ въ немъ живетъ—проживается,
А прожившись, назадъ выбирается.

* * *

Но красивое имя не даромъ дано,
И всегда оно будетъ значенья полно:
Какъ начальство съ идеей разстанется,
Только с л а в а, что г о р о д ъ, останется.

(Барнаульскій листокъ).

Такъ воспѣваетъ поэтъ городъ Славгородъ. Я говорилъ уже выше о томъ, что нѣкоторая часть мѣстнаго общества горячо осуждаетъ дѣятельность переселенческаго вѣдомства по заселенію Кулундинской степи, и приведенное стихотвореніе какъ нельзя лучше отражаетъ собой этого рода теченіе. Но, одно дѣло поэзія, а другое—«суровая» проза...

Въ 1907 году, на мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣ Славгородъ, и на всѣхъ вообще милліонѣ и пятистахъ тысячахъ десятинъ Кулундинской степи, не было ни одного жилья, и даже киргизы предпочитали кочевать преимущественно ближе къ Семипалатинску.

Зато полное раздолье здѣсь было исконнымъ владѣльцамъ пустыни—шакаламъ, волкамъ и лисицамъ. Тысячами кишѣли разные звѣри, пернатая и пушная дичь, грызуны хомяки и тушканчики. На берегахъ озеръ разводились орлы, ястреба всевозможныхъ оттѣнковъ,—Кулунда, покрытая ковылемъ, жила своей замкнутой жизнью, какъ подобаетъ глуби океана.

Пришли люди изъ дальнихъ краевъ—до ста тысячъ человѣкъ, и завладѣли дѣвственной Кулундой.

Пять лѣтъ—и свершилась волшебная сказка, нѣтъ больше мѣста шакаламъ, и лишь изрѣдка тоскливо заливаются они своимъ отвратительнымъ лаемъ, негодуя на новыхъ захватниковъ.

Въ серединѣ степи, одновременно съ остальными поселками, т. е. въ 1908 году было образовано при прѣсномъ озерѣ «Сѣкачи» сельцо Славгородъ, съ общей площадью въ 12 съ половиной тысячъ десятинъ, которое сразу же заселилось настолько, что въ слѣдующемъ

Общій видъ Славгорода съ высоты птичьяго полета.

году еще двѣ съ лишнимъ тысячи было прирѣзано. Это по 15 десятинъ на мужскую душу, всего, значитъ, въ сельскомъ обществѣ, черезъ годъ по образованіи, числилось около тысячи жителей мужского пола. Занимая центральное географическое положеніе въ степи, Славгородъ естественно сдѣлался и центромъ экономическаго притяженія для всей округи, тѣмъ болѣе и потому еще, что здѣсь именно была назначена резиденція переселенческимъ мѣстнымъ начальникамъ, былъ заложенъ врачебный пунктъ, построена малая церковь.

Въ предвидѣніи возможнаго развитія поселка, переселенческое вѣдомство выдѣлило изъ смежныхъ земель особую площадь въ четыре тысячи десятинъ въ видѣ оброчной статьи. Черезъ годъ пришлыми людьми, большей частью торговцами, было занято на арендныхъ условіяхъ 48 усадебныхъ мѣстъ, совсѣмъ рядомъ съ селеніемъ, а въ 1911 году всѣхъ арендаторовъ, построившихся и занявшихся тѣмъ или инымъ предпріятіемъ, было уже 332 человѣка. Къ іюлю теку-

Церковь стараго Славгорода.

щаго года т. е. за шесть мѣсяцевъ н е строительнаго сезона еще прибавилось 74. Такъ, смежно съ деревнею, выросло за три года новое поселеніе промышленнаго типа, насчитывающее теперь свыше 4 тысячъ жителей, и составившее «новый» Славгородъ.

«Старый», пятилѣтній,—обычное село обще-степного характера, и нынѣ, какъ и раньше, административный центръ Кулунды, успѣвшій уже въ 1911 году разверстаться на отруба. Огромной ширины трехверстная улица, прямая какъ стрѣла, прорѣзываетъ это село по серединѣ, служа вмѣстѣ съ тѣмъ и проспектомъ

для обочнаго города,—общая планировка селенія геометрически правильна.

У главной улицы расположены всѣ переселенческія постройки и, прежде всего, на обширной площади, церковь. Именно на этой площади раньше происходили базары, и здѣсь были лавки, но, съ заселеніемъ оброчной статьи, центръ промышленной жизни перенесся туда, и почти всѣ владѣльцы предпріятій туда-же и перенесли свою торговлю.

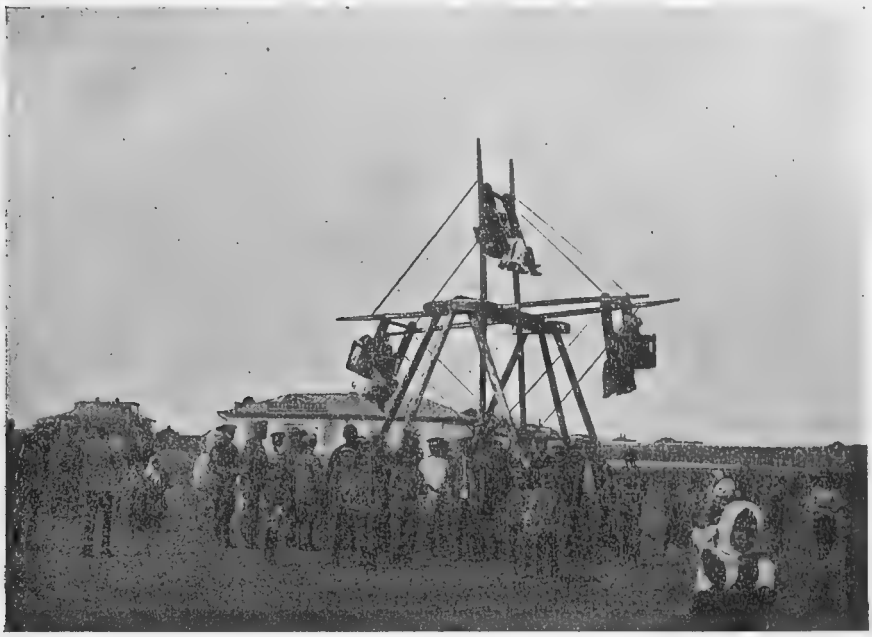
Славгородскій „проспектъ“ и переселенческій элеваторъ.

Такого рода сдвигъ и далъ, повидимому, поводъ къ утвержденіямъ, что Славгородъ экономически гибнетъ, что его процвѣтаніе было эфемерно, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ пересталъ изъ мѣстной переселенческой канцеляріи литься золотой дождь ссудной помощи, наѣхавшіе сюда торговцы будто бы начали ликвидировать свои дѣла, и что теперь, изъ заколоченныхъ и опустѣлыхъ домовъ бѣгутъ даже крысы...

Безпрерывной вереницей тянутся со всѣхъ сторонъ возы къ Славгороду: съ юга киргизы, вмѣстѣ со своими мѣрно переваливающимися кораблями пустыни, верблюдами,—съ сѣвера, востока и запада пестрая смѣсь ко-

стюмовъ, лицъ и нарѣчій на всевозможныхъ повозкахъ, начиная отъ нѣмецкой телѣги и кончая татарской арбой: еженедѣльно здѣсь на городской площади базаръ, собирающій до 20 тысячъ народу.

Кишмя кишитъ эта новая площадь, разноплеменный муравейникъ, и тысячи сдѣлокъ совершаются здѣсь на ходу. Навѣсы-лотки на площади бойко торгуютъ всякой мелочью, а кругомъ, въ болѣе крупныхъ лавкахъ и магазинахъ не протолпиться. Тутъ же два



На „городской" площади.

фотографическихъ ателье, карусель, качели круглыя и кинематографъ—неизбѣжныя увеселенія.

Все рѣшительно можно достать въ Славгородѣ не только для крестьянскаго, но и любого обихода, включая духи и перчатки. Гдѣ же заколоченные дома, гдѣ поголовное бѣгство?

Одинъ единственный домъ дѣйствительно стоитъ въ чертѣ стараго Славгорода съ забитыми ставнями: его хозяинъ, торговецъ, скоропостижно скончался, пріѣхавъ сюда одиночкой, и вотъ этотъ домъ ждетъ наслѣдниковъ...

А въ то же время мѣстное почтовое отдѣленіе не

въ состояніи оказывается оплатить своею наличностью сыплящіеся сюда частные денежные переводы, и при мнѣ посылалось соотвѣтствующее требованіе въ округъ.

Средній оборотъ средняго здѣсь торговца—тридцать тысячъ рублей. «Кое какъ пробиваемся»—лукаво поглаживая бороду, говоритъ мнѣ одинъ изъ таковскихъ,—«а въ первый годъ и на пять тысячъ не торговали».

Не самими ли купцами, во избѣжаніе конкуренціи, распускаются слухи объ упадкѣ Славгорода?

Одинъ изъ частныхъ домовъ въ „новомъ“ Славгородѣ.

По усиленному настоянію жителей, сюда только что проведенъ телеграфъ; съ будущаго года Славгородъ освѣтится электричествомъ, поговариваютъ объ устройствѣ, въ 6 верстахъ, курорта у сильно соленого озера Ярового, строится моторная лодка для озера Сѣкачей, близится закладка собора, оборудована прекрасная бойня, обошедшаяся городу 5000 рублей, организована пожарная дружина, воздвигнута каланча и проч.

Всѣмъ этимъ вѣдаетъ «общество благоустройства», состоящее изъ арендаторовъ усадебныхъ участковъ и функціонирующее на началахъ городского самоуправленія: вѣдь, въ случаѣ образованія Алтайской губер-

ніи, здѣсь будетъ и уѣздный центръ, но главная мечта жителей не это, конечно, а все та-же желѣзная дорога на Татарскъ. Что толку для насъ, говорятъ славгородцы что разрѣшена, будто, къ постройкѣ линія Павлодаръ—Барнаулъ. До перваго все равно 130 верстъ, а у насъ именно здѣсь золотое дно, тотъ экономическій тупикъ, который требуетъ выхода во что бы то ни стало, такъ какъ Славгородъ «тянетъ» къ себѣ всѣ товары.

Зачѣмъ искусственно создавать рынки?

Памятникъ Императору Александру II, воздвигнутый Славгородскимъ обществомъ благоустройства.

Нужно удивляться огромнѣйшей жизненной энергіи и предпріимчивости «общества благоустройства» «города» Славгорода, доведшаго теперь свой бюджетъ до 36 тысячъ рублей, изъ коихъ около 6 тысячъ доходу даетъ лишь базарная площадь. Въ значительной мѣрѣ успѣшность его начинаній должна быть объяснена участіемъ въ городскомъ управленіи, въ качествѣ непремѣннаго члена, мѣстнаго завѣдывающаго переселенческимъ подраіономъ В. М. Чернова,—человѣка американской складки, жившаго нѣсколько лѣтъ за границей и тамъ окончившаго свое образованіе, а теперь не

раздѣляющаго своего благополучія отъ мѣстнаго; но и всѣ вообще здѣсь люди не «стараго свѣта». Иначе немыслимъ былъ бы тотъ разящій прогрессъ, который дѣлаетъ несравнимымъ этотъ выросшій, какъ deus ex machina культурный уголокъ съ нѣкоторыми, чуть не тысячелѣтними, уѣздными городами Россіи.

Проѣзжаемъ по старому селенію; здѣсь канцелярія перваго кулундинскаго переселенческаго подраіона противъ церковной площади, здѣсь же, у церкви, причто-

Башня глубокаго буренія (Славгородъ).

выя постройки и двѣ школы на 180 и 120 человѣкъ, мужская и женская, построенныя два года назадъ переселенческимъ вѣдомствомъ; тутъ же волостное правленіе и начатый постройкой пріютъ для сиротъ переселенцевъ, основаніе которому положилъ своимъ пожертвованіемъ въ 1910 г. статсъ-секретарь Кривошеинъ.

Дальше, прямо по главной улицѣ, часовенка въ память проѣзда Столыпина, гдѣ покойный предсѣдатель совѣта министровъ встрѣченъ былъ хлѣбомъ и солью, а неподалеку и врачебный пунктъ переселенческаго вѣдомства. Среднее ежедневное число амбулаторныхъ больныхъ на пунктѣ—130, леченіе для всѣхъ даро-

вое. Масса больныхъ глазами, а киргизы постоянно страдаютъ туберкулезомъ железъ,—признакъ вырожденія народа. Эпидемій частыхъ въ округѣ не наблюдается. Лишь въ минувшемъ году, главнымъ образомъ среди киргизъ, свирѣпствовалъ сыпной тифъ, и съ нимъ тѣмъ болѣе было трудно бороться, что эти люди ни за что не хотѣли ложиться въ больницу, предпочитая безъ всякой помощи валяться въ юртѣ.

На границѣ земель стараго и новаго Славгорода высится огромное зданіе переселенческаго элеватора, вмѣстимостью въ 100 тысячъ пудовъ зерна, передвигающагося по лентѣ. Къ этому зданію примыкаетъ небольшое поле, гдѣ переселенческое вѣдомство развело питомникъ изъ тополей, березокъ, сосенъ и другихъ породъ лѣсныхъ насажденій, доселѣ здѣсь не прививавшихся.

Новый Славгородъ расположенъ нѣсколько выше стараго, и изъ переселенческихъ зданій тутъ только мѣстожительство завѣдывающаго вторымъ кулундинскимъ подраіономъ, отдѣленіе сельско хозяйственнаго склада, строящійся ветеринарный пунктъ. Къ новому городу примыкаетъ и искусственный водоемъ, еще, впрочемъ, не вполнѣ законченный, а на другомъ концѣ, у памятника, воздвигнутаго Славгородскимъ обществомъ благоустройства Императору Александру II, предположенъ къ разбитію бульваръ, идущій къ уже распланированной площадкѣ будущаго собора; наконецъ, вѣнчаетъ югъ Славгорода башня глубокаго буренія, съ вышки которой открывается великолѣпный видъ на безконечную степь, кругомъ блистающую то бѣлымъ саманомъ, то голубыми озерами, то золотистой пшеницею.

Переселенческое вѣдомство предполагаетъ возможнымъ найти здѣсь артезіанскій источникъ, хотя бы на 100 саженной глубинѣ, а пока пробурили лишь 30. Первый пластъ—черноземъ на четыре вершка. Вполнѣ понятно, что здѣсь, какъ въ мѣстности, возможность заселенія которой подверглась сомнѣнію главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка прѣсныхъ и вообще годныхъ водъ, гидротехника—первое дѣло, поставленное, кстати сказать личнымъ составомъ Томскаго раіона на должную высоту—въ границахъ отпущенныхъ денегъ.

Гидротехническія обслѣдованія участковъ, предназначенныхъ къ размежеванію, съ цѣлью выясненія, возможно ли въ данномъ случаѣ разселеніе на хутора, предшествующія сему сплошныя изысканія отдѣльныхъ раіоновъ,* контрольное мелкое буреніе на воду въ предѣлахъ площадей, занятыхъ поселками, сооруженіе колодцевъ, плотинъ, водоемовъ, наконецъ, глубокое буреніе—вотъ главные виды работъ гидротехническихъ переселенческихъ отрядовъ, разсыпанныхъ повсюду. Результаты, хотя бы частичные, уже на лицо: ни одинъ поселокъ новаго образованія не страдаетъ отъ недостатка воды. Сами переселенцы, по образцу казенныхъ, успѣшно строятъ себѣ въ указанныхъ гидротехниками мѣстахъ добавочные колодцы, огромною сѣтью ихъ покрылась Кулунда, и, на-ряду съ 17 саженной глубиной, сплошь и рядомъ встрѣчаются 10 аршинная. Конечно, много денегъ еще нужно на это дѣло, и слѣдуетъ ихъ сыпать безъ удержа: степь возвратитъ свой долгъ сторицею, это безспорно.

Каждый праздникъ «весь» Славгородъ—кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто въ повозкахъ, высыпаетъ въ степь по направленію къ будущему своему курорту—озеру Яровому. Пятьдесятъ верстъ въ окружности, въ глубокой впадинѣ, по возвышеннымъ и скалистымъ краямъ которой и теперь гнѣздятся орлы, озеро это до такой степени насыщено солью, что при всемъ желаніи опуститься на дно—невозможно.

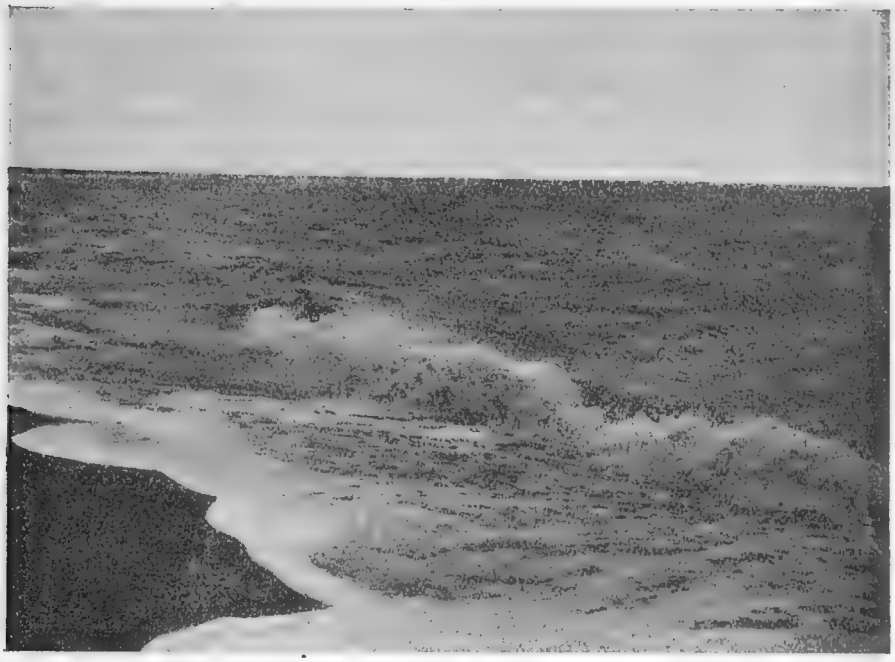
Здѣсь, въ совершенно прозрачной водѣ, сотнями купаются Славгородскіе обыватели, утверждающіе вмѣстѣ съ окрестными киргизами, что «яровая» вода отъ всѣхъ болѣзней лечитъ: и дѣйствительно, на рѣдкость бодрящее ощущеніе и здоровое возбужденіе чувствуешь во всемъ организмѣ послѣ получаса эквилибристическаго пребыванія въ этой замѣчательной ваннѣ, гдѣ можно свободно сидѣть, но не плавать, лежать—но не перевернуться.

Кругомъ озера полная цвѣтовъ и благоуханія равнина. Воздухъ такъ же цѣлебенъ какъ и вода,—кто знаетъ, можетъ быть черезъ десятокъ лѣтъ, здѣсь, на великолѣпномъ двухверстномъ естественномъ пляжѣ,

* На 1913 г. предположены вся Кулунда, Бараба и Бельагачъ.

усыпанномъ мельчайшимъ гравіемъ, воздвигнется фешенебельный курзалъ, и къ прочимъ народностямъ, населяющимъ Кулунду, еще добавятся неизбѣжные въ каждомъ курортѣ румыны...

Заѣзжаю въ киргизскій аулъ, расположенный своими одинадцатью кибитками на лѣтовкѣ близъ озера, верстахъ въ девяти отъ «курорта». Это ужъ подъ вечеръ, когда огненный, кажущійся особенно яркимъ въ степи, дискъ солнца начинаетъ тусклѣть, медленно



Озеро Яровое близъ Славгорода.

скатываясь къ горизонту, когда тѣни дѣлаются менѣе рѣзкими и едва ощутимая прохлада позволяетъ дышать полной грудью.

Трогательно гостепріименъ этотъ «раскосый» народъ... Сравнительно сносно по русски объясняется только старикъ, лѣтъ подъ 70, и вотъ, въ сопровожденіи почти всего наличнаго населенія, высыпавшаго на звонъ бубенцовъ, онъ ведетъ меня въ свою обширную юрту, красиво убранную коврами.

Со всѣми мужчинами обмѣниваюсь рукопожатіями—таковъ обычай. Женщина—это «ничто» въ представленіи киргизовъ—она сотворена Богомъ изъ той не-

годной кости Адама, которую передъ тѣмъ обглодала и бросила собака. Но это не мѣшаетъ отцамъ брать чѣмъ дальше, тѣмъ большій калымъ за невѣсту, и теперь «стоимость» жены обходится молодому киргизу въ тысячу съ лишнимъ рублей, если перевести на деньги десятки верблюдовъ, лошадей, и двѣ-три сотни овецъ.

Одинъ такой дорогой экземпляръ на лицо: едва сложившаяся дѣвушка, лѣтъ 15, за которую уже года четыре калымъ уплачивается «въ разсрочку»—некрасивая, но живая и бойкая. Одѣта въ тряпье, а на головѣ огромная бобровая шапка съ позументнымъ коническимъ донышкомъ и съ нѣчто похожимъ на модное «еспри» по серединѣ. Шапка эта, тяжелая, жаркая и неуклюжая, никогда не снимается: она составляетъ гордость и цѣнность семейную.

Пока достается «шампань» (кумысъ, на киргизскомъ нарѣчіи), пока зарѣзывается барашекъ—необходимое угощенье, отъ котораго нельзя отказаться—осматриваю юрту и одѣляю мужчинъ папиросами. Наряду съ прекрасными коврами, подушками, чисто восточною верховой сбруей и разными узкогорлыми и широкими книзу стильными кувшинами и сосудами, вдругъ ярко начищеный самоваръ и кустарные сундуки, размалеванные аляповатыми узорами и обитые жестью. Въ этомъ цивилизація—ничего не подѣлаешь.

Совсѣмъ мало киргизъ осталось уже въ Кулундѣ. По переписи 1910 года здѣсь ихъ насчитывалось всего лишь около 5 тысячъ обоего пола, причемъ земли имъ было отведено полтораста тысячъ десятинъ, т. е. въ среднемъ 40 десятинъ на мужчину, включая и неудобную (8%). Все меньше и меньше кочуютъ киргизы: не тотъ ужъ просторъ, хотя въ той же степи еще до 200 тысячъ десятинъ по разнымъ формальнымъ основаніямъ не заняты,—не то ужъ богатство, и многіе изъ нихъ нашли подходящимъ перейти къ полу-осѣдлому быту, засѣявъ еще въ 1910 году до двухъ тысячъ десятинъ. Теперь площадь посѣва расширилась, а параллельно падаетъ скотоводство.

Бѣдное, обреченное на вымираніе племя, такое дѣтски восторженное, наивное, а вмѣстѣ съ тѣмъ хитрое и лукавое по своему, чинящее, между прочимъ,

надъ своими преступниками крайне суровый судъ. Пять лѣтъ тюрьмы—обычный приговоръ у киргизовъ даже за незначительное нарушеніе.

На всѣ вопросы объ ихъ бытѣ и надеждахъ, они, преувеличенно жестикулируя, отвѣчаютъ завѣреніями полнаго довольства: «коней много имѣемъ, верблюдовъ мало-мало, баранъ хороша,—богато живемъ». Кто ихъ знаетъ, что они думаютъ на самомъ дѣлѣ—остается настроиться соотвѣтственно необычной обстановкѣ и довольствоваться только ею.

Быстро въ степи наступаютъ сумерки и уже въ юрту, благодаря откинутому верхнему пологу, начинаютъ проникать робкіе лучи мѣсяца, близкаго къ полнолунію.

Этотъ серебристый таинственный свѣтъ, дѣлаясь все сильнѣй и замѣтнѣе, причудливо смѣшивается съ краснымъ отблескомъ костра, разложеннаго по серединѣ, и придаетъ всей обстановкѣ помѣщенія, съ сидящими вокругъ то на корточкахъ, то, болѣе удобно, со скрещенными ногами на подушкахъ, азіатами, какой то фантастическій, поэтично дикій характеръ.

Здѣсь и рослые, молодые киргизы, загорѣлыя дѣти, съ выразительными, не лишенными своеобразной красоты лицами, и древніе старики, всѣ сплошная морщина, и безобразная вѣдьма старуха, и «невѣста», и бездомный киргизскій пастухъ. Послѣдній совсѣмъ обезьяна: протянувъ свои длинныя, скрюченыя руки къ огню, глубокій старикъ безъ признаковъ какой бы то ни было растительности на лицѣ, онъ уперся стеклянными глазами въ огонь и ничего не замѣчаетъ кругомъ. Онъ тоже киргизъ, но не помнитъ, ни сколько ему лѣтъ, ни откуда присталъ къ этому аулу...

Безъ конца обходитъ всѣхъ по очереди деревянная чашка съ «шампанемъ», барашекъ уже начинаетъ подрумяниваться,—все гуще тѣни въ юртѣ и разительнѣй свѣтовые контрасты. Молодой киргизъ беретъ домру, настраиваетъ по своему этотъ трехструнный инструментъ,—странный, короткій аккордъ, и льется уже заунывно тягучая пѣсня, о какомъ-то всадникѣ, о степи, объ охотѣ...

Тихо внимаютъ киргизы, покачиваясь всѣмъ туловищемъ въ тактъ монотонной мелодіи; переставъ даже

трепыхаться прикованный къ обрубку дерева молодой кречетъ. Безумно открытыми гордыми глазами и онъ уставился на огонь, какъ бы загипнотизированный звуками —все полно непередаваемаго очарованія.

Пѣсня кончена, и лишь долго еще перебираются струны, какъ бы необходимо завершая впечатлѣніе. Повторять не хочетъ пѣвецъ, пора ужинать, и, всячески отблагодаривъ за пріемъ радушныхъ хозяевъ, выхожу изъ юрты.

На просторѣ картина не хуже: то самое озеро, которое такъ красиво своей синевою на солнцѣ, теперь благодаря поднявшемуся вдругъ вѣтру мощно катитъ свои черныя волны и ослѣпительная лунная полоса переливается міріадами искръ на бушующей мрачной поверхности. Весь берегъ бѣлый, блестящій какъ чешуя—это пѣна, вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ соли—полная иллюзія снѣжнаго покрова.

Версты двѣ пологимъ подъемомъ, озеро осталося сзади, а впереди уже мигаютъ призывные огоньки Славгорода.

На утро прощаюсь и съ нимъ, этой привольной столицей плодородной и богатой Кулунды, все несчастье которой единственно пока въ отрѣзанности отъ внѣшняго крупнаго рынка.

VI.

Ѣду по степи въ другую сторону, на востокъ, отъ прежняго пути по направленію къ «ближайшей» (256 в.) пристани на Оби—къ селу Камню. Такое же море пшеницы, такая же благодать кругомъ. Кончилась Славгородская волость, неизмѣнная картина и въ Орловской, смежной. Эта послѣдняя управляется знаменитымъ на всю округу старшиною Реймеромъ, состоятельнымъ менонитомъ, еще въ Екатеринославской губерніи владѣвшимъ сотнями десятинъ. Задумавъ переселиться въ Кулунду, однообщественники упросили и Реймера двинуться съ ними, и вотъ онъ здѣсь, непоколебимый всеобщій авторитетъ, едва-ли не абсолютная глава и

власть не только менонитовъ, но и великороссовъ, хохловъ и поляковъ, заселяющихъ территорію волости. Если на сѣверѣ Кулунды царитъ удивительный порядокъ, если тамъ поражается взоръ обезпеченностью и довольствомъ жителей, то въ Орловѣ все это доходитъ до послѣднихъ предѣловъ образцовости.

Здѣсь, въ текущемъ году, при населеніи въ 6 тысячъ обоего пола, и при надѣлѣ, по волости, въ 50 съ лишнимъ тысячъ десятинъ, при двухъ тысячахъ не-

Памятникъ въ честь проѣзда министровъ черезъ дер. Орлово (Кулунд. степь).

удобной, засѣяно одной лишь пшеницей 16797 десятинъ, да овсомъ 20789. Итого, кругомъ на семью, считая еще ячмень и картофель, до 20 десятинъ посѣва. Это ли не успѣхъ на четвертомъ году обживанія?

На въѣздѣ деревни «Орлово» гранитный памятникъ, увѣнчанный позолоченнымъ двуглавымъ орломъ и огороженный чугунной рѣшеткой. Кругомъ цвѣтникъ, чисто посыпанныя пескомъ дорожки,—на постаментѣ доска съ надписью: «1910 года 29 августа. Въ память господину Предсѣдателю Совѣта Министровъ П. А. Столыпину и Главноуправляющему землеустройствомъ и земледѣ-

ліемъ А. В. Кривошеину, посѣтившимъ Орловскую волость. На семъ мѣстѣ были встрѣчены съ хлѣбомъ и солью Дорогіе Гости Волостнымъ Старшиною Я. А. Реймеромъ съ тысячами переселенцевъ».

Въ этой надписи, редактированной и придуманной самимъ Реймеромъ, въ самомъ фактѣ постановки памятника и въ разсказахъ орловцевъ о проѣздѣ Столыпина три года назадъ, много трогательнаго, симпатичнаго — быть можетъ и слишкомъ сантиментальнаго,

Переселенческая постройка въ дер. Орловѣ (Кулунд. степь).

но во всякомъ случаѣ достойнаго вниманія. Орловцы уже успѣли беззавѣтно полюбить свою новую землю, они хотятъ уже исторіи своего селенія, — чего же ярче, для начала, какъ не пріѣздъ главы правительства сюда, въ Кулундинскую степь?

Съ тѣхъ поръ много воды утекло и не узналъ бы покойный Столыпинъ радушную Орловку. Уже почта здѣсь есть, строится большая больница, размножились собственнаго устройства колодцы, растутъ жилыя и служебныя зданія. Для приданія большей торжественности духовнымъ пѣснопѣніямъ была желательна музыка—и вотъ готовъ уже духовой оркестръ изъ моло-

дыхъ парней. Кое какъ подучились, играютъ ужъ много вещей,—за 100 рублей въ мѣсяцъ ищутъ капельмейстера и не могутъ найти: кто поѣдетъ въ безвѣстную глушь, гдѣ нипочемъ 50 верстъ, и едва ли не за спичками ѣздятъ въ Славгородъ! А дайте по близости желѣзную дорогу?—Орловцы поставили бы рекордъ хлѣбнаго экспорта, завалили бы и Бурлу и Карасукъ, и самъ Славгородъ, черезъ который и теперь ведется торговля, хлѣбомъ всякаго рода.

Чистое помѣстительное волостное правленіе съ кабинетомъ для старшины. Шутка ли сказать, а на сходѣ у него всѣ парламентскіе обычаи въ отношеніи веденія преній, голосованій и проч. При этомъ держатъ себя на этихъ сходахъ десятидворники съ огромнымъ достоинствомъ —ни шуму, ни ругани, ни безобразныхъ выходокъ. Оттого и дружно осуществляются всякія общественныя мѣропріятія,—оттого и царитъ здѣсь культъ чести, труда и порядка.

Еще верстъ 20 къ сѣверу лежитъ Кулундинская степь, все продолженіе Орловской волости, а затѣмъ вновь опять, какъ отрѣзаный, переходъ: начинаетъ уныло тянуться пустая «паскотина» (выгонъ), посѣвы неизмѣримо бѣднѣе и хуже, вдали виднѣются деревца — вступленіе въ полосу старожилаго Барнаульскаго заселенія.

Но прежде чѣмъ слѣдовать дальше, еще разъ остановимся на пройденномъ пути и провѣримъ свои впечатлѣнія. Подтверждаютъ ли ихъ данныя статистико-экономическихъ обслѣдованій?

Во исполненіе пожеланія третьей Государственной Думы, въ 1911 году переселенческимъ управленіемъ были предприняты въ разныхъ раіонахъ западной Сибири соотвѣтственныя работы для выясненія экономическаго положенія переселенцевъ. При этомъ, по недостатку средствъ, примѣненъ былъ не исчерпывающій методъ наблюденія, а, такъ называемый «выборочный», сущность котораго, по опредѣленію Кіэра, творца этого метода, заключаются въ томъ, чтобы описанныя типичныя хозяйства изслѣдуемой мѣстности «представили миніатюру данной цѣлой территоріи».

Хотя и далеко не совершенный, методъ этотъ

однако можетъ до нѣкоторой степени отразить дѣйствительность, и вотъ, передъ нами только что завершенная «общая сводная по степному раіону Каинскаго и Барнаульскаго уѣздовъ по обслѣдованію 111 переселенческихъ поселковъ какъ разъ тѣхъ волостей, которыя мы проѣзжали: Юдинской, Купинской, Богословской, Романовской, Орловской, Славгородской и Подсосновской.

Изъ этой сводной мы видимъ, прежде всего, что наибольшій процентъ, соотвѣтственно группировкѣ хозяйствъ, даютъ засѣвающія свыше 6 десятинъ при 3—6 головахъ рогатаго скота; что въ 6.113 попавшихъ въ выборку хозяйствахъ имѣется уже 7.061 жилыхъ и 13.537 служебныхъ построекъ при 963 колодцахъ; что 535 хозяйствъ помимо земледѣлія успѣли заняться торгово-промышленными предпріятіями, воздвигнувъ 333 соотвѣтственныхъ зданія. Транспортный инвентарь—16.383 повозокъ всякаго типа; земледѣльческій—20.743, изъ нихъ 1.018 косилокъ, 1.419 жней и сноповязалокъ; 990 хозяйствъ прибѣгало къ найму машинъ; правда, наряду съ этимъ 375 хозяйствъ не имѣютъ никакого инвентаря, 213 ликвидировали свое имущество, а 296 не имѣютъ посѣвовъ, либо вслѣдствіе сдачи въ аренду земель и ухода на заработки, дающіе здѣсь при большой дороговизнѣ рабочихъ рукъ хорошій доходъ, либо по причинѣ занятія разными промыслами. Тѣмъ интереснѣе экономическія данныя огромнаго большинства. Такъ, 5.835 хозяйствами въ 1910 году было засѣяно 50.100 десятинъ разными злаками, а 3.668 хозяйствами, дававшими показанія объ урожаѣ, собрано: пшеницы—450.400 пудовъ (засѣяно 94 тысячи), овса 115.864 пудовъ (засѣяно 23 тысячи), ячменя 21.000 (засѣяно 4 тысячи),—въ общемъ, всякаго зернового хлѣба получено 598.008 пудовъ, при засѣвѣ въ 122.673 пуда.

Конечно, не такъ ужъ блестяще, но если принять во вниманіе, что анкета производилась на четвертомъ только году обживанія въ Сибири, когда огромное количество энергіи и денегъ новоселовъ уходитъ на самый процессъ приспособленія къ мѣстности, то ужъ по крайней мѣрѣ преувеличеннымъ должно представиться утвержденіе, что народъ въ Кулундѣ «пухнетъ съ го-

лоду» (см. выше). Что представляли изъ себя эти переселенцы раньше на родинѣ?

Опять же по статистическимъ даннымъ, но уже сплошного обслѣдованія, выяснено, что около трети всѣхъ переселенцевъ располагали отъ 3 до 10 десятинами на дворъ; 38% имѣло отъ 1 до 3 десятинъ, а четверть была безземельною...

Теперь, обобщая и далѣе цифры статистики, выясняемъ съ достаточной ясностью, что, въ отношеніи «крѣпости» обживанія въ Кулундинской степи, выдѣляются двѣ крупныя группы засельщиковъ, какъ типовыя, и какъ доказательство того общаго явленія, что прочнѣе осѣдаютъ, скорѣе устраиваются и лучше оріентируются въ новыхъ мѣстахъ болѣе культурные и зажиточные элементы колонизаціонной волны.

Первая группа — это выходцы изъ южныхъ губерній, преимущественно малороссійскихъ, приволжскихъ и частью великороссійскихъ (центральныхъ). Хохлы, нѣмцы колонисты и упомянутые великороссы составляютъ, всѣ вмѣстѣ, до 90% вселившихся и должны быть признаны осѣвшими вполнѣ прочно и устроившимися окончательно. Этотъ элементъ характеризуется основательнымъ домообзаводствомъ, обширными запашками, увеличеніемъ инвентаря вплоть до сложныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ,—здѣсь обнаруживается проявленіе общественной иниціативы, сооружаются групповые колодцы и мельницы, воздвигаются храмы и школы.

Вторая группа слагается изъ нѣкоторой части великороссовъ, затѣмъ бѣлоруссовъ и вообще изъ выходцевъ болѣе сѣверныхъ мѣстностей—губерній, въ частности Минской, Витебской и Могилевской. Устройство на новыхъ земляхъ этимъ людямъ здѣсь вовсе не дается, и даже черезъ два года послѣ водворенія они производятъ впечатлѣніе живущихъ на бивуакахъ и готовыхъ въ любой моментъ сняться съ мѣста. Нѣкоторые изъ нихъ и уходятъ, то обратно на родину, то искать другіе участки—все потому, что «одолѣваетъ тоска», потому, что «степь забиваетъ»—нѣтъ умѣнія приспособиться къ широкой равнинѣ, пугаетъ отсутствіе рѣкъ и лѣсовъ.

Такія единицы, не умѣя войти въ общій круговo-

ротъ мѣстной жизни, отпадаютъ и немедленно замѣняются другими. Вся остальная масса вошла уже въ колею, и Кулунда зажила своей собственной жизнью, все ускоряя и ускоряя ея темпъ.

Что видѣлъ глазъ, что восприняло чувство — подтверждается, въ общемъ, и сухими цифрами; при той грандіозной эволюціи, которую переживаетъ теперь степь, нельзя обойтись и безъ жертвъ—онѣ прокладываютъ и очищаютъ путь болѣе сильнымъ элементамъ,— необходимо совершается естественный подборъ крѣпкихъ колонизаторовъ. Земля должна быть въ рукахъ только тѣхъ, кто умѣетъ и можетъ съ ней справиться,— таковъ законъ непреложной дѣйствительности.

А будущее Кулунды въ сельско-хозяйственномъ отношеніи?

Категорически трудно отвѣтить. Пять лѣтъ обработки земли слишкомъ малое время чтобы на основаніи полученныхъ результатовъ можно было загадывать впредь. Первыя опасенія не оправдались—это уже очевидно, и лишь люди не бывавшіе въ Кулундѣ продолжаютъ свои трафареты. Вода, это первое препятствіе колонизаціи, найдена и въ ней недостатка не будетъ. А по мѣрѣ поднятія и переработки цѣлины, необходимо, конечно, принять мѣры къ усвоенію населеніемъ культурнаго способа сѣва, и пробы различныхъ сортовъ удобреній. Нужно развить скотоводство, которому самою степью здѣсь пріуготована богатая роль,— нужно всячески способствовать образованію культурныхъ хозяйствъ и привлеченію въ заселяемые раіоны мелкой промышленности. Со всѣми подобными начинаніями медлить нельзя, иначе великій конфузъ будетъ вѣдомству, первый успѣхъ котораго сугубо обязываетъ къ дальнѣйшему.

А пока несомнѣнно лишь то, что Кулундинская степь въ 1912 году явилась житницей издавна плодороднѣйшаго Барнаульскаго уѣзда. И если находятся, какъ въ данномъ случаѣ, лица, желающія за свой страхъ и рискъ проводить по этой мѣстности желѣзную дорогу, то подобное начинаніе слѣдуетъ только привѣтствовать.

VII.

Итакъ, смежно съ Кулундинскою степью—владѣнія крестьянъ сторожиловъ, издавна поселившихся на земляхъ Кабинета Его Величества. Селенія Землянуха, на рѣченкѣ Бурлѣ, Хабары, Конево.

Впереди меня ѣдетъ переселенческій чиновникъ изъ Петербурга. и вотъ, во время одного перегона, необычайная картина: у края дороги, въ пыли, человѣкъ на колѣняхъ, и вмѣсто скинутой шапки прошеніе поверхъ головы... А только что передъ тѣмъ я заслушивался рѣчами гордыхъ и независимыхъ сибиряковъ, только что задавался вопросомъ, откуда у нихъ такое развитіе, такой ясный и здоровый взглядъ на вещи, отвращеніе къ приниженности и лести... Но это, оказывается, не сибирякъ и не старожилъ вовсе. Это, по канцелярской классификаціи,—«шестой номеръ», типичный представитель какъ разъ того элемента, съ которымъ хотѣлось мнѣ познакомиться—«неприписанный переселенецъ Томской губерніи», иначе сказать «самоволецъ».

Нѣсколько лѣтъ жилъ этотъ крестьянинъ «при обществѣ» безъ пріемнаго приговора, и безъ какого бы то ни было законнаго основанія пахалъ себѣ цѣлину гдѣ придется, благо у общества были излишки. Построилъ себѣ избушку, кое какъ обзавелся, и перебивался сносно, а тутъ, вдругъ, пришло «землеустройство», провѣрило хозяевъ да и закрѣпило за старожилами ихъ фактическое землепользованіе, а излишки оставило за Кабинетомъ. Понятно, въ излишки попала и вся земля, паханная нашимъ пришельцемъ, и вотъ онъ слезно молитъ начальство о возстановленіи нарушенныхъ «правъ».

Ему объясняютъ, что переселенческое вѣдомство здѣсь ни при чемъ, что обращается онъ не по адресу, что пусть ѣдетъ, если хочетъ, на спеціально оставленные для заселенія старыхъ самовольцевъ собственно переселенческіе участки,—проситель не унимается: ему нужно остаться здѣсь, онъ надѣялся только на это, и только это его удовлетворитъ...

Такихъ, по уѣзду тысячи. Не имѣя возможности,

или не желая (тоже бываетъ), внести требуемую сумму за пріемный приговоръ, они надѣются при поземельномъ устройствѣ получить, наравнѣ съ старожилами, соотвѣтствующій надѣлъ, но это имъ далеко не всегда удается. По крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Томской губерніи, изъ всѣхъ самовольцевъ числившихся по первой переписи 1909 года, лишь 13,4% удержались при проведеніи землеустроительныхъ работъ, на занятыхъ ими участкахъ.

И продолжаютъ ждать эти выброшенные за бортъ люди какой то несбыточной милости, упорно отказываясь перебираться. А въ это время запасный фондъ все заполняется болѣе сговорчивыми.

Въ концѣ 1910 года была произведена вторичная перепись самовольцевъ по Томской губерніи, и полученныя данныя позволяютъ достаточно подробно освѣтить вопросъ о томъ, какой процессъ они пережили за годъ, послѣ первой переписи. Данныя эти сами по себѣ настолько интересны, что на нихъ стоитъ остановиться, хотя бы вкратцѣ, и просмаковать каждую цифру

Изъ 80.746 семействъ самовольцевъ, зарегистрированныхъ въ 1909 году, къ началу 1911 года оказалось въ прежнемъ состояніи 45.668 семействъ съ 251.682 душами обоего пола. Большинство остальныхъ устроились въ той же Томской губерніи (79,8%), и лишь 20,2 процента отъ 35.078 семействъ, не попавшихъ вновь въ прежнюю категорію, выбыли то на поиски новыхъ земель въ другія мѣстности, то вернулись на родину.

Барнаульскій уѣздъ какъ и раньше продолжаетъ служить центромъ притяженія для самовольцевъ. Было ихъ здѣсь 57.498 семействъ, устроилось 30 процентовъ (около 8 на переселенческихъ участкахъ, около 18 при землеустройствѣ, остальные по пріемнымъ приговорамъ), да вновь, изъ всѣхъ прибывшихъ въ губернію за 1910 годъ 5.417 семействъ самовольцевъ больше 50 процентовъ ушло на тотъ же Барнаульскій уѣздъ и успѣло частью устроиться. Въ итогѣ на данную мѣстность причитывается безземельныхъ къ началу 1911 года только 182.605 лицъ обоего пола, или 67 процентовъ всего томскаго переселенческаго пролетаріата.

Больше всего этихъ типичныхъ «самоходовъ» (въ данномъ случаѣ дѣлается понятнымъ обижающее переселенцевъ обобщеніе ихъ подъ этимъ терминомъ) даетъ центрально-земледѣльческій раіонъ (41% общаго движенія самовольцевъ); за нимъ слѣдуютъ пріуральскій, средне-волжскій и сибирскій (всѣ вмѣстѣ почти поровну—около 23%),—менѣе прочихъ прибалтійскій (0,21%), по обѣимъ переписямъ пропорціонально.

„Пластянка" Ивана Свицова—самовольца (с. Зубково, Барн. уѣзда).

Посмотримъ теперь, какъ живутъ оставшіеся формально «неустроенными», при среднемъ составѣ семьи въ 5,5 душъ обоего пола. 72,5% ихъ, оказывается, обезпечены собственными жилищами; лишь 13.405 семействъ живутъ «на квартирахъ»; около 72% общаго числа хозяйствъ имѣютъ крупный скотъ,—въ среднемъ по 1,68 лошадей и 1,56 рогатой головы на одно хозяйство, при чемъ встрѣчаются и такія отдѣльныя въ ихъ числѣ, которыя обладаютъ лошадьми до 38 штукъ и коровъ до 50.

Сѣно собираютъ 28.511 хозяйствъ, изъ коихъ 4.013 косятъ на самовольно захваченныхъ участкахъ, 2.134 и на такихъ участкахъ и на арендованныхъ, а 22.364 хозяйства только на послѣднихъ. Лишь 54% всѣхъ

семей занимаются земледѣліемъ на 95.935 однако, десятинахъ, что въ среднемъ, на одно сѣющее хозяйство, составляетъ 3,6, и на одно хозяйство изъ всѣхъ — 1,9 десятинъ, титулъ же запашки въ процентномъ отношеніи соотвѣтствуетъ сѣнокосному. Вторичная перепись констатируетъ нѣкоторое увеличеніе числа сѣющихъ хозяйствъ и средній размѣръ посѣва, число же хозяйствъ, засѣвающихъ менѣе десятины возросло, въ ущербъ прочимъ, въ 6 разъ,—потому, вѣроятно, что болѣе сильные элементы уже успѣли устроиться и потому еще, но уже безспорно, что Кабинетское землеустройство сильно сократило захваты.

Четверть, примѣрно, самовольцевъ занимаются промыслами всякаго рода, начиная отъ болѣе или менѣе крупной торговли и кончая картежной игрой (sic!), 6.514 семействъ вовсе отказались дать свѣдѣнія объ источникѣ существованія, 6.827 не имѣютъ ни собственныхъ жилищъ, ни пашенъ, ни скота.

Чего ждутъ и на что разсчитываютъ всѣ вообще самовольцы?

12.487 семей. или 25,57% общаго числа, отвѣтили коротко и ясно: желаютъ остаться на прежнихъ мѣстахъ безъ согласія общества и безъ пріемнаго приговора; повидимому эти смѣльчаки крупные арендаторы, либо отчаянныя головы.

Тѣмъ же способомъ, какъ и встрѣченная нами фигура на колѣнахъ, либо, если не выгоритъ, то на переселенческихъ участкахъ, думаютъ «устроиться» 56,57%.

Остальные — «такъ или иначе», а то и вернуться на родину.

Это мечты; а дѣйствительность?—Часть семействъ дѣйствительно уже устроена переселенческимъ управленіемъ на своемъ Томскомъ фондѣ; но въ 1911 году произведена третья перепись, и вновь на 1 Января 1912 года 33.223 самовольныхъ хозяйствъ,—правда, едва не на 100 тысячъ душъ меньше, но все же бѣльмо на глазу.

Какъ устроить этихъ упрямцевъ, когда по крайней мѣрѣ 50.000 человѣкъ (см. выше) не желаютъ двигаться съ мѣста?

Вопросъ не изъ легкихъ, но во всякомъ случаѣ переселенческимъ вѣдомствомъ дѣлается для ублаготворенія самовольцевъ повидимому все, что возможно.

Еще въ Кулундѣ имѣется до 500 свободныхъ долей на случай крайней надобности *, найдется еще, быть можетъ, въ прилегающихъ мѣстностяхъ, — важно то, что выходъ изъ труднаго положенія этимъ людямъ обезпеченъ, буде они того пожелаютъ, хотя и не безъ нѣкоторой ломки.

Но есть въ Барнаульскомъ уѣздѣ вопросъ, превосходящій самовольческій своимъ значеніемъ для населенія и неизмѣримо болѣе больной, жгучій и, возможно,—чреватый исключительными послѣдствіями.

Это—поземельное устройство крестьянъ старожилъ на Кабинетскихъ земляхъ, т. е. отводъ надѣловъ крестьянскимъ селеніямъ и обществамъ во владѣніе, согласно извѣстнымъ законамъ.

Всякое землеустройство предполагаетъ возможность сокращенія или увеличенія фактическаго землепользованія—законъ растяжимъ. Но предѣлы его эластичности, въ примѣненіи къ крестьянскому люду, зависятъ, однако, отъ многаго, и прежде всего отъ степени добросовѣстности исполнительныхъ органовъ, какъ таковыхъ, и отъ сознанія ими отвѣтственности. Затѣмъ—просто отъ умственныхъ силъ человѣка и способностей вникнуть въ послѣдствія, наконецъ-же отъ степени такта и мѣры, наличность которыхъ абсолютно необходима особенно тогда, когда приходится дѣйствовать отъ Высокаго Имени.

Въ своеобразной комбинаціи всѣхъ указанныхъ степеней и заключается извѣстная острота землеустройства, осуществляемаго на земляхъ Его Величества. Эта комбинація и повлекла за собою не только возникновеніе ряда статей въ повременной печати, но и запросъ въ Государственной Думѣ...

. . . . . .

Прыганское, Крутиха и, наконецъ, Камень—старожилое село на берегу Оби, волшебно выросшее за послѣднее пятилѣтіе изъ небольшой деревушки въ крупный хлѣбноторговый центръ, съ красивыми стильными кирпичными зданіями, своей биржей, общественнымъ собраніемъ, конечно съ почтой, телеграфомъ и проч. Любопытно, что мѣстное сельское общество

---

* 5 тысячъ зачислены раньше.

рѣшительно ничѣмъ въ свою пользу не обложило сотни возникшихъ здѣсь предпріятій, и послѣднія растутъ какъ грибы. На очереди образованіе изъ Камня городского поселенія, но крестьяне боятся обратиться въ «мѣщанъ»: «а вдругъ землю тогда потеряемъ?» Вообще же умные и дѣльные люди. Свои 40 тысячъ десятинъ при 3.340 душахъ мужскаго пола они теперь, вслѣдствіе возникшихъ споровъ, размежевываютъ на отруба, испросивъ переселенческую ссуду (здѣсь приселились до 20% новоселовъ). Единственно недовольные тѣ, кто получилъ дальніе отрѣзки. Требуютъ теперь хуторскихъ участковъ и, повидимому, прійдутъ къ соглашенію.

Здѣсь переселенческій врачебный пунктъ и складъ сельско-хозяйственный, въ которомъ нѣтъ никого, кто бы могъ разсказать о его операціяхъ, т. к. «завѣдывающій только что смѣнился»... Однако удается добиться, что оборотъ этого склада за послѣдній годъ достигъ 300 тысячъ рублей. Въ массѣ продаются здѣсь желѣзносные разборные фургоны, по 80 рублей штука, такіе, какихъ много и въ Кулундѣ и повсюду въ этой мѣстности.

Не удивительно, что Камень такъ разростается. Вѣдь сюда въ навигацію даже изъ Славгорода, за 300 верстъ, везутъ всякую всячину, нужно помнить, что вся линія водораздѣла тяготѣетъ преимущественно къ Оби, т. к. Иртышъ, хоть и болѣе близкій, быстрѣе мелѣетъ.

Подходитъ изъ Барнаула пароходъ американскаго типа, но при всей показной и безвкусной роскоши убранства, менѣе удобный чѣмъ волжскіе, и послѣ часовой стоянки прямо у берега, отходитъ вверхъ по многоводной Оби. Разсчитываю пройти на немъ до Новониколаевска, конечнаго пункта западной Сибири.

Около сутокъ пути и я уже въ этомъ новомъ 65 тысячномъ торгово-промышленномъ центрѣ, доведшемъ свои обороты къ концу послѣдняго десятилѣтія до огромнѣйшей цифры въ 200.000.000 рублей, и свой собственный городской бюджетъ до милліона.

Раньше огромныя массы переселенцевъ, слѣдовавшихъ въ Барнаульскій уѣздъ, всѣ сосредочивались именно въ Новониколаевскѣ и, въ соотвѣтствіи съ потреб-

ностями много сотъ тысячнаго движенія, здѣсь былъ широко оборудованъ переселенческій пунктъ. 15 десятинъ сосновой рощи на берегу Оби и 6 бараковъ, на 1.000 человѣкъ каждый, не могли еще два года тому назадъ вмѣстить всѣхъ ожидающихъ отправки на пароходѣ. Теперь, когда черезъ этотъ пунктъ проходятъ ходоки и переселенцы только въ Бійскій и Кузнецкій уѣзды, да самовольцы въ тотъ же Барнаульскій, мѣста

Пароходъ на Оби.

и черезчуръ достаточно, и пунктовый персоналъ почти исключительно занятъ оказаніемъ врачебной помощи окрестному населенію. Дѣлу же продовольствія переселенцевъ, слѣдующихъ за Новониколаевскъ по магистрали, служитъ преимущественно вагонъ кухня на самомъ желѣзнодорожномъ пути.

Въ отдѣленіи для хирургическихъ знакомлюсь съ переселенческимъ агентомъ Орловскаго земства г. Штехеромъ, которому только что была произведена операція. Мнѣ и раньше приходилось слышать со всѣхъ сторонъ самые лестные отзывы о рѣдкой добросовѣстности этого человѣка, о его тактѣ, о пользѣ, которую онъ реально приноситъ и своимъ землякамъ,

и переселенческому вѣдомству совмѣстной и дружной работой. Но не рѣшаюсь утруждать разговоромъ больного, надѣясь, что объ условіяхъ земской дѣятельности здѣсь я успѣю еще услышать отъ агентовъ областной организаціи, которыхъ ищу съ нетерпѣніемъ... Въ Новониколаевскѣ, гдѣ согласно вывѣшенному на вокзалѣ плакату, должны жить двое изъ таковыхъ, ни одного въ этотъ день не находится.

Пароходъ присталъ къ „пристани"...

Возвращаясь однако къ больничнымъ зданіямъ, долженъ упомянуть о своеобразномъ способѣ изоляціи заразнаго барака, подсказанномъ завѣдывающему пунктомъ врачу «самой жизнью». Все зданіе, какъ какой-то фортъ, оплетено колючей проволокой—настоящія японскія загражденія. Оказывается, что нѣтъ никакихъ силъ внушить переселенцу, особенно если онъ задержанъ въ дорогѣ, что вылежать ему въ больницѣ необходимо. Случаи бѣгства изъ обычныхъ палатъ постоянны, и тутъ ничего не подѣлаешь, но когда вопросъ касается ухода остро заразныхъ, или тайнаго ихъ посѣщенія родственниками, то приходится

принимать такія крутыя, въ сущности, предупредительныя мѣры.

Въ самомъ Новониколаевскѣ есть четыре городскія больницы, но ни въ одну изъ нихъ переселенцевъ не принимаютъ даже амбулаторно. Зато на пунктѣ 50% всякаго пришлаго люда, не платящаго городского больничнаго сбора и потому не принимаемаго въ городскія больницы. Такъ или иначе, но половина, примѣрно,

Желѣзно-дорожный мостъ у Новониколаевска.

переселенческаго кредита на данный пунктъ расходуется не по прямому назначенію *.

Интересуюсь данными переселенческаго движенія, иначе говоря количествомъ направившихся въ восточную Сибирь: по 11 Іюля, съ марта мѣсяца, въ прямомъ направленіи прослѣдовало: переселенцевъ 51.191 человѣкъ, ходоковъ 18.381; тутъ же ведется и регистрація рабочихъ, идущихъ на заработки 91.231. Обратно:

* Въ среднемъ содержаніе стаціонарнаго больного обходится здѣсь вѣдомству до 1 р. 50 к., считая и всѣ расходы по пункту; собственно же содержаніе больного 27—30 к.

переселенцевъ 5.414, ходоковъ 11.526, рабочихъ — 3.302.

Въ связи съ этими послѣдними цифрами захожу въ поѣздъ, только что подошедшій съ востока. Почти всѣ возвращаются съ заработковъ, торопятся поспѣть къ себѣ домой на уборку хлѣба. Говорятъ, что ничего не выручили, но не вяжется какъ-то такое утвержденіе хотя бы съ тѣмъ, что я видѣлъ, съ трехрублевой почти поденной платой, которую давали въ Славгородѣ для окончанія, напримѣръ, водоемныхъ работъ, и не находили желающихъ. Два-три хмурныхъ переселенца—чуваши—не добьешся толку Нѣсколько ходоковъ; кто зачислилъ земли, а кому не понравилось. Всѣ, въ цѣломъ, какъ бы предвкушаютъ уже дымъ своихъ курныхъ избъ и нервничаютъ отъ нетерпѣнія.

VIII.

Томская губернія въ отношеніи естественно историческихъ и экономическихъ условій представляетъ собою комплексъ земель самаго разнообразнаго характера—отъ типично степныхъ и равнинныхъ до таежныхъ и горновозвышенныхъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ земель прилегаютъ къ желѣзной дорогѣ, другія къ судоходнымъ рѣкамъ, третьи на сотни верстъ удалены отъ этихъ путей, а есть и такія, которыя буквально отрѣзаны отъ всего внѣшняго міра.

Столь же неодинакова, конечно, и притягательная сила отдѣльныхъ мѣстностей Томскаго переселенческаго раіона. Тогда какъ заселеніе однѣхъ протекаетъ само собою, при чемъ этотъ естественный процессъ опережаетъ даже всѣ необходимыя подготовительныя мѣропріятія,—есть на ряду съ этимъ такая часть колонизаціоннаго фонда, которая, для того чтобы сдѣлаться сколько нибудь заманчивой для новоселовъ, требуетъ приведенія едва ли не всей округи въ болѣе или менѣе культурный видъ.

Та степь, которую мы миновали,—яркій образчикъ земель перваго рода; въ нее безъ удержу течетъ переселенческій потокъ, и ни отсутствіе колодцевъ, ни крайняя экономическая изолированность, ни формаль-

ныя даже запрещенія дальнѣйшаго вселенія, ничто не въ силахъ удержать стихійнаго туда стремленія народа. Съ другой стороны, въ какихъ нибудь 200 верстахъ отъ Новониколаевска по магистрали, и въ 80 отъ самаго Томска—свыше 4 тысячъ свободныхъ долей, заполняемыхъ сравнительно медленно...

Это—глубокая и дикая тайга, дѣвственный сибирскій лѣсъ, разбитый подъ переселенческіе участки,—такъ называемый «трудный» переселенческій фондъ, на которомъ, однако, вслѣдъ за предстоящимъ въ будущемъ году полномъ исчерпаніи «легкаго», исключительно и сосредоточатся въ губерніи колонизаціоныя работы.

Много разъ сибирская тайга служила темой для описаній; всегда у меня лично съ представленіемъ о ней связывалась прежде всего непроходимость этой суровой чащи, и вдругъ теперь—переселенческіе участки! Да какъ же можно существовать среди дикаго лѣса?

Иллюзія «непроходимости» на первыхъ же порахъ разрушается широкой дорогой, пронизывающей весь таежный массивъ по направленію къ югу отъ станціи Тайги, а по мѣрѣ углубленія въ лѣсъ начинаю сознавать, что и прочія сомнѣнія безпочвенны—поскольку они опровергаются очевидностью.

Но прежде всего о дорогѣ. Построенная переселенческимъ вѣдомствомъ въ 1906 году, эта своеобразная магистраль протяженіемъ въ 86 верстъ до поселка Кедровки, представляетъ изъ себя типъ глинянаго приподнятаго и укатаннаго шоссе съ глубокими канавами по обочинамъ и крѣпкими деревянными мостами Постройка ея обошлась, въ среднемъ, до 1000 рублей верста, и теперь масса нареканій сыплется на вѣдомство въ томъ смыслѣ, главнымъ образомъ, что деньги эти брошены зря, т. к. при малѣйшемъ дождѣ весь грунтъ размокаетъ и дѣлается непроѣзжимъ... Однако, дождь здѣсь идетъ ужъ недѣлю,—не знаю, можно ли будетъ проѣхать по этому же мѣсту черезъ мѣсяцъ, но, пока что мы ѣдемъ свободно, хотя и залѣплены грязью. Такъ же, повидимому, безпрепятственно движутся и сотни возовъ, то встрѣчаемые, то обгоняемые нами,—вязко дѣйствительно, но, говорятъ, что безъ

этой дороги, среднее ежедневное грузовое движеніе по которой достигаетъ 3 тысячъ возовъ, при первомъ же дождѣ тайга и впрямь дѣлалась не только непроѣзжею, но и непроходимою вовсе. И если принять во вниманіе, что предварительно нужно корчевать столѣтнія деревья по направленію прокладываемой дороги на 30 саженной ширинѣ, и то, что достать камень для шоссировки здѣсь было во всякомъ случаѣ негдѣ и некогда,—

Переселенческая дорога въ тайгѣ (Томск. у.)

едва ли особенно дорогой представится даже и самая стоимость сооруженія. Фактъ тотъ, что безъ данной дороги въ тайгѣ и до сихъ поръ продолжали бы жить одни медвѣди: именно она открыла доступъ къ лѣсу переселенцамъ и выходъ для нихъ же,—она, а ничто другое, продолжаетъ служить культурнымъ цѣлямъ колонизаціи. Казалось бы, успѣшно до сихъ поръ, по отзывамъ многихъ встрѣчныхъ крестьянъ, осуществляемое дорогою назначеніе, оправдываетъ въ полной мѣрѣ и нѣкоторые, быть можетъ, ея органическіе недостатки.

Уже 20 верстъ ѣдемъ мы по этому «старому» тракту, миновали первый поселокъ Яю-Бобровку, рядъ отвѣтвленій дороги на отдѣльные переселенческіе участки, и

перемѣняемъ, наконецъ, лошадей въ селѣ Таловскомъ. Это село, пятилѣтней давности, расположено на холмистой долинѣ, обрамленной густой синевою деревьевъ. Избытокъ лѣса сказывается рѣшительно во всемъ Огорожены даже поля, и вездѣ видишь свѣжіе срубы, двухъэтажныя избы не рѣдкость—полная противуположность степи. Тогда какъ тамъ первоначальныя жилища складываются изъ дерна, здѣсь валятся огромныя деревья и наскоро покрываются корой, взамѣнъ крыши.

Посѣвы овса и пшеницы не уступаютъ по качеству степнымъ. Наоборотъ, еще болѣе сочными кажутся хлѣба въ этой мѣстности, но, правда, все въ миніатюрномъ масштабѣ—лишь по мѣрѣ раскорчевки тайги. Населеніе Таловки далеко не бѣдствуетъ, занимаясь главнымъ образомъ скотоводствомъ; даже хохлы акклиматизировались и не желаютъ лучшаго—общіе помыслы направлены лишь на скорѣйшую расчистку участковъ.

Въ таежныхъ поселкахъ повсюду идутъ теперь споры. Дѣло въ томъ, что каждый новый переселенецъ, получивъ надѣлъ въ обществѣ, естественно обращаетъ свои взоры на земли, уже освобожденныя отъ лѣсного покрова первыми засельщиками и претендуетъ на пользованіе ими. Конечно тѣ, кто своими руками раскорчевывалъ эти участки, не желаютъ, чтобы плодами ихъ трудовъ пользовались другіе, и въ результатѣ рядъ иногда и весьма крупныхъ недоразумѣній. Единственный выходъ—это внутринадѣльное размежеваніе, отруба, и, какъ это ни странно звучитъ,—«таежные хутора»—къ чему постепенно и приходитъ теперь мѣстное населеніе.

Въ Таловскомъ—церковь, волость * и строится переселенческимъ вѣдомствомъ большая двухклассная школа съ общежитіемъ на зиму, и съ особыми еще зданіями для отдѣленій токарнаго и столярнаго. Здѣсь же мнѣ указываютъ на домъ, гдѣ живетъ агентъ областной земской организаціи. Немедленно стучусь къ нему—уже нѣсколько дней онъ внѣ дома... Опять незадача!

Еще 18 верстъ по прямому направленію. Начинаетъ сказываться тайга. Ужъ это не прежній лѣсъ,

* Бюджетъ 6 т. рубл.; раскладка—1 р. 83 к. на „бойца“.

хотя очень густой и высокій: какъ то жутко становится отъ сплошныхъ темныхъ стѣнъ по обѣимъ сторонамъ дороги, меньше встрѣчныхъ, и все чаще и чаще попадаются на пути гордые кедры въ перемѣшку съ соснами и лиственницей. А отъ земли, нераздѣльною массой, заполняя всѣ промежутки между деревьями, поднимаются кустарники: здѣсь и малина, и жимолость, и смородина и боярышникъ, и еще неизвѣстные мнѣ

Вновь проложенная дорога.

кустарники и растенія. Папортники огромныхъ размѣровъ, какіе то цвѣты, напоминающіе царскій вересъ, и разныя лупуховидныя и луковичныя травы, но все это какъ бы вытянутое и растянутое вдесятеро по сравненію съ европейской Россіей. Все сплелось,—дѣйствительно не проберешься.

Сворачиваю на востокъ по дорогѣ прошлогодняго образованія къ только что заселяемымъ переселенческимъ участкамъ. Тайга еще интенсивнѣе—чувствуется, что совсѣмъ еще недавно ее тронула рука человѣка. Сначала эта дорога не отличается отъ главной, но постепенно грунтъ ея становится мягче, постоянно встрѣчаются катки въ дѣйствіи и партіи по ремонту. Замѣчательно красивые по мѣстоположенію на скло-

нахъ враговъ поселки Бурсовскій и Фоминскій, заселенные старовѣрами—угрюмымъ. замкнутымъ и необщительнымъ народомъ. У самой дороги, на прекладинѣ виситъ чугунная рельса: она замѣняетъ собою колоколъ, сзывающій въ молельню.

Трудно приходится новымъ людямъ, попадающимъ въ такое старовѣрческое общество. Совмѣстная жизнь въ непродолжительномъ времени дѣлается невозможной, и здѣсь сплошное бѣгство на хутора, хотя бы и вовсе затерянные въ тайгѣ. Рядъ крутыхъ поворотовъ, спусковъ и подъемовъ съ горы на гору, и мы у цѣли нашей поѣздки—близъ поселка Борисовскаго.

Дальше дорога не идетъ, и лишь намѣченное направленіе ея обозначено просѣкой. Здѣсь, черезъ рѣку Яю, впадающую въ Чулымь, заканчивается постройкой огромный 25 саженный, съ навѣсной срединой, переселенческій мостъ, и здѣсь же, кругомъ по тайгѣ, кипитъ титаническая работа—борьба людей съ лѣсомъ на хуторскихъ участкахъ.

Рѣчка, у которой расположился таборомъ рабочій людъ и техническій надзоръ по постройкѣ моста и дальнѣйшей прокладкѣ дороги, на рѣдкость красива своей особою. дикою прелестью. Причудливо извиваясь, она со страшной быстротой и силой гонитъ свои глубокія и хрустально прозрачныя воды среди пустынныхъ заросшихъ береговъ, пронизываетъ тысячами поворотовъ едва ли не всю тайгу, питаетъ мельницы, служитъ средствомъ сообщенія на плоскодонкахъ, ютитъ въ своихъ зарослях тучи болотной дичи и изобилуетъ рыбой. Говорятъ, что берега этой рѣчки содержатъ богатыя залежи бѣлаго и розоваго мрамора,—есть, будто, сказочно прекрасные уголки по теченію Яи, гдѣ этотъ мраморъ виситъ надъ водою скалистыми утесами, поросшими пихтой и елями.

На утро достаемъ лошадей, чтобы верхомъ уже двигаться дальше. Всякіе иные способы передвиженія немыслимы. Одѣваемся потеплѣе, т. к. температура здѣсь, несмотря на іюль, уже сильно понижена, спутники мои перекидываютъ черезъ плечо ружья (въ тайгу не рекомендуется вступать безоружнымъ), и длиннымъ гуськомъ выѣзжаемъ на просѣку, имѣя впереди проводника, Борисовскаго старожила.

Намъ предстоитъ посѣтить хуторскіе участки... Опять таки рядъ самыхъ жгучихъ сомнѣній на тему о томъ, что можетъ дѣлать и какъ можетъ прожить хотя бы недѣлю человѣкъ, посаженный буквально среди медвѣдей, окруженный непроходимою чащей, вдали отъ поселка, отъ какого бы то ни было человѣческаго жилья. Вѣдь ѣсть то ему что нибудь нужно?!

Вдоль проектированной дороги уже прорыты широ-

Мостъ постройки пересел. вѣдомства черезъ таежную рѣчку Яю.

кія и глубокія канавы. Проводникъ заявляетъ, что здѣсь, у огромнаго кедра, мы должны свернуть съ дороги въ тайгу,—я, лично, недоумѣваю, какъ это мыслимо сдѣлать верхомъ на нашихъ лошаденкахъ, отнюдь, повидимому, не приспособленныхъ, по неуклюжести и лѣности, брать какія либо препятствія, а тѣмъ болѣе рвы и канавы. Еще моментъ— и я застываю отъ изумленія, пораженный дѣйствіями передняго всадника. Его лошадь, подойдя вплотную къ канавѣ, становится бокомъ къ отлогой стѣнкѣ послѣдней, и, какъ то сильно накренившись, сползаетъ профилемъ на дно всѣми четырьмя ногами одновременно. Такъ же фокусно выбирается она и на другую сторону, безъ ма-

лѣйшаго видимаго напряженія, захватывая по пути рядомъ тутъ же растущую траву. «Это таежные кони, поясняетъ проводникъ—не сумлѣвайся, баринъ, еще и не то увидишь».

И дѣйствительно: по мѣрѣ углубленія въ тайгу мое прежнее пренебрежительное отношеніе къ сонливымъ съ виду и неповоротливымъ лошадямъ смѣняется восторженнымъ поклоненіемъ ловкости и уму этихъ

Проведеніе таежной дороги

животныхъ. Пѣшкомъ ни за что не пройти бы по таежной «тропѣ», наличность которой вѣдома только проводнику, усматривающему какія то зарубки на деревьяхъ. Тайга въ своей гущѣ это не только сплетеніе всевозможныхъ травъ и кустарниковъ, закрывающихъ всадника съ головой, и безъ какого бы то ни было просвѣта, но еще и безчисленное множество крупныхъ и мелкихъ деревьевъ, поваленныхъ бурями и лежащихъ какъ попало по всѣмъ направленіямъ, то у самой земли, то подъ углами всевозможныхъ градусовъ, то образуя какъ бы искусственныя рѣшетчатыя стѣны и шлагбаумы. И вотъ, таежные кони совершенно непостижимымъ образомъ берутъ непреодолимыя, какъ

будто, препятствія. Они буквально переползаютъ всѣ загражденія,—въ овраги спускаются также ползкомъ и сидя на крупѣ, а выбираются изъ нихъ съ самыми неожиданными крутыми поворотами совсѣмъ отвѣсно и все это непрестанно продираясь между кустарниковъ, безъ устали «переваливая» черезъ буреломъ съ опасностью перекалѣчиться.

Медленно двигаемся впередъ; голова кружится отъ постояннаго верченія при объѣздахъ отдѣльныхъ заторовъ, все время смотришь, какъ бы не выколоть глазъ, не затеряться между деревьями, не отстать отъ впереди ѣдущихъ. Послѣднее особенно нежелательно и опасно, такъ какъ, потерявъ «тропу», уже не выберешься изъ этого лабиринта. Рябчики постоянно перелетаютъ надъ головами, ихъ здѣсь сотнями убиваютъ охотники, и отъ продажи этой дичи, а также и отъ сбыта кедровыхъ орѣшковъ, нерѣдко кормятся цѣлыя семьи. Прекрасна тайга своей природной самобытностью, и ничтожными пигмеями кажутся люди среди исполиновъ деревьевъ.

Потянуло дымкомъ, и сразу изъ чащи лѣсной заросли выѣзжаемъ на сравнительно свѣтлое мѣсто. Это и есть переселенческій хуторъ, гдѣ прежде всего бросается въ глаза громадный, какъ гора, костеръ изъ вѣтокъ и всякой древесины, горящій непрестанно и уничтожающій малоцѣнную мелочь послѣ раскорчевки. Вся полянка, площадью около десятины, уже свободна отъ пней, въ глубинѣ ея низкій шалашъ, а по серединѣ клочекъ огорода, на которомъ копаются женщины. Хозяинъ, у груды очищенныхъ и заготовленныхъ бревенъ, два его сына лѣтъ 16 и 14 — вотъ и все, что мы видимъ на «хуторѣ».

Крестьянинъ Козловъ,—владѣлецъ какъ этой полянки, такъ и сорока еще десятинъ таежнаго лѣса кругомъ, причисленъ къ поселку Донскому, гдѣ въ минувшемъ году, по взаимному соглашенію, общество разбилось на отруба. Какъ переселенцу недавнему, Козлову достался участокъ въ тайгѣ, и ему предстояла дилемма: либо продолжать проживаніе въ поселкѣ (гдѣ на усадебной землѣ онъ успѣлъ возвести кой какія постройки и засѣять одну десятину), но при этомъ отложить попеченіе о воздѣлываніи сорока деся-

тинъ за отдаленностью ихъ и трудностью раскорчевки «между прочимъ»,—либо превратить свой отрубный участокъ въ хуторской, т. е. переселиться на постоянное жительство въ самую глушь тайги. Пораскинувъ умомъ, Козловъ пришелъ къ выводу, что послѣднее дѣло надежнѣе: во всякомъ случаѣ на хуторѣ онъ самъ себѣ баринъ; съ раскорчевкою какъ нибудь справится, а земля изъ подъ лѣса даетъ хорошіе урожаи.

Михайла Козловъ—хуторянинъ.

Построитъ себѣ богатую усадьбу, проведетъ тропинку пошире къ дорогѣ переселенческой, огибающей его землю, разведетъ скотъ и будетъ себѣ жить помѣщикомъ, ни отъ кого не завися...

Но едва всѣ мечтанія Козлова не разлетѣлися прахомъ. Сейчасъ-же послѣ раздѣла принялся онъ сводить лѣсъ на выбранномъ мѣстѣ, забросилъ, увлекшись этимъ

дѣломъ, все свое прежнее хозяйство, и быстро «прохарчился» въ тайгѣ, такъ какъ его работа, вслѣдствіе недостатка семейныхъ силъ, шла очень туго и скорѣе походила на безпорядочную рубку деревьевъ чѣмъ на планомѣрную раскорчевку участка. Замѣтивъ его бѣдственное положеніе, старообрядцы поселка, предлагавшіе ему раньше сносныя деньги за усадьбу, тутъ сбавили цѣну до крайности, припасы и липнія деньженки всѣ ушли на проживаніе въ лѣсу, и къ началу 1912 года нашъ хуторянинъ впалъ въ горькое уныніе — хоть брось казавшееся ему столь заманчивымъ дѣло.

Обстоятельства, однако, сложились иначе. Уже въ концѣ 1911 года мѣстной переселенческой организаціей было предположено, въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго заселенія таежныхъ участковъ единоличнаго владѣнія и поддержки массы крестьянъ, выселяющихся благодаря особо труднымъ условіямъ общиннаго таежнаго землепользованія на хутора, предоставить исполненіе раскорчевочныхъ работъ самимъ переселенцамъ, владѣльцамъ участковъ, за денежныя преміи въ формѣ безвозвратныхъ пособій. При этомъ имѣлось въ виду оплачивать этими пособіями, въ размѣрѣ 75% стоимости работъ, расчистку на каждомъ участкѣ только такой площади, которая необходима для первоначальнаго прокормленія путемъ засѣва средней семьи, а именно— трехъ десятинъ. Были выработаны соотвѣтствующія опытнымъ даннымъ казенной раскорчевки расцѣнки по роду и качеству лѣса, установлено, что пособія должны выдаваться частями, по мѣрѣ производства расчистки, но не менѣе, какъ за $^1/_4$ десятины, — была, наконецъ, составлена смѣта и программа выполненія означенной мысли, требовавшей на первый годъ по крайней мѣрѣ 75 тысячнаго кредита для наиболѣе нуждавшихся въ неотложной помощи участковъ по шести таежнымъ подраіонамъ.

Полное разумнаго смысла начинаніе это, открывавшее возможность переселенцамъ, какъ мы видимъ на примѣрѣ Козлова, всецѣло и прежде всего погрузиться въ расчистку тайги, не размышляя о хлѣбѣ насущномъ, было въ итогѣ одобрено, и на весь Томскій раіонъ отпущено... 20 тысячъ, которыя и были подѣ-

лены пополамъ между мѣстностью, о которой идетъ рѣчь, и Золотоисковымъ подраіономъ.

Уже 11-го апрѣля Михайла Козловъ подалъ «начальнику» (подъ этимъ понятіемъ только и разумѣется мѣстнымъ населеніемъ переселенческій подраіонный) соотвѣтствующее прошеніе, а 14-го того же мѣсяца составленъ былъ актъ, коимъ устанавливалось, что ни покосовъ, ни раскорчеванной надлежаще земли у него не имѣется, и что ему за расчистку трехъ указанныхъ десятинъ, при стоимости работы въ 80 руб. дес., причтется получить, въ общемъ, 180 руб. (75%) *.

По объявленіи правилъ расчистки и руководящихъ указаній инструктора, Козловъ дѣятельно принялся за работу и она у него пошла инымъ темпомъ чѣмъ раньше. 23 іюня уже подано было заявленіе о принятіи отъ него законченной полъ-десятины, на раскорчевку которой было потрачено 62 рабочихъ дня, и 29 іюня первыхъ 30 руб. были выданы. Еще теперь четверть готова — за мѣсяцъ 15 рублей. При такомъ заработкѣ легко прокормиться семьѣ, и дружно идетъ дальнѣйшая работа, въ сознаніи, что плату хозяинъ получаетъ за свое же дѣло безъ котораго ему самому нельзя обойтись, а то, что только 25% стоимости относится за счетъ самаго расчищающаго, считается настоящимъ благодѣяніемъ. И это дѣйствительно такъ, потому что все рѣшительно здѣсь идетъ въ пользу владѣльца участка, начиная отъ цѣннаго лѣса,—хоть на продажу пускай.

Совсѣмъ «лѣснымъ» человѣкомъ сдѣлался Козловъ за четыре мѣсяца сидѣнія въ тайгѣ безъ надлежащаго жилища и людскаго общества, если не считать жену и дѣтей. Обросъ весь, черный какой-то сдѣлался, но доволенъ безконечно, между прочимъ и тѣмъ, что не уступилъ почти даромъ своей усадьбы старовѣрамъ. Теперь онъ и вовсе не хочетъ продавать эту землю, будетъ ждать особо благопріятнаго случая, а пока не станетъ торопиться съ постройкою здѣсь. Выходецъ не изъ лѣсного уѣзда, онъ, однако, очарованъ тайгой, — приноро-

* Нормальная стоимость десятинной раскорчевки, опредѣляемая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наблюдающимъ за расчисткой, колеблется, въ зависимости отъ толщины деревьевъ, ихъ высоты и густоты лѣса между 190 и 25 рублями (кустарникъ). На данномъ участкѣ лѣсъ, признанъ рѣдкой (сорока процентной) густоты, при толщинѣ деревьевъ болѣе 5 вершковъ и высотою 12 саженъ.

вился къ ней — «очень ужъ вольготно здѣсь, и птица всякая тебя не пужается, и звѣри тоже — вотъ мишка, почитай, кажинное утро выйдетъ ко мнѣ на дѣлянку и глядитъ, какъ я корни ломаю, и мы къ нему привыкли, и ёнъ къ намъ, а земля, что подъ лѣсомъ — оченно дюже хорошая, попробовалъ посадить капусту — во, какую выгнало».

Слушаешь и удивляешься, откуда такая жизнерадостная струнка во всѣхъ рѣчахъ новосела, а знаешь, между тѣмъ, что у себя дома голодалъ мужикъ. Неужели таежное имѣньице его такъ преобразило? Уже подумываетъ о мельницѣ — «рукой подать, 3 версты, все нашимъ владѣніемъ къ рѣчкѣ».

Опять пробираемся лѣсомъ и кустарниками. Версты четыре — и новый «помѣщикъ» — Купайтисъ, эстонецъ, налегшій такъ на тайгу, что въ мѣсяцъ вычистилъ болѣе трети десятины. Это просто переселенецъ, сѣвшій на хуторской участокъ непосредственно, и поставившій себѣ задачей во что бы то ни стало къ осени построить сносную избу для зимовки и вообще немного обжиться. И чувствуется, что своего онъ достигнетъ колоссальнымъ упорствомъ и непомѣрнымъ трудомъ, отъ котораго не отрывается ни на минуту. Вотъ подкопаная со всѣхъ сторонъ 10 саженная елка; еще самъ хозяинъ продолжаетъ рубить обнажившіеся корни, а сынъ, мальчишка лѣтъ девяти, бѣлкою взбирается на вершину и закрѣпляетъ веревку. Ель дрожитъ и качается, молніей слетаетъ съ нея парнишка, и, выворачивая груду земли, мѣрно падаетъ дерево по направленію натягиваемаго каната. Топоръ, пила, лопата и веревка — вотъ всѣ принадлежности раскорчевки.

Еще и еще хуторскіе участки. Вездѣ одинаково интенсивно производится нажимъ на тайгу, валятся драгоцѣнные кедры, кое гдѣ уже сложены хаты, посѣяны маленькіе кусочки пшеницы — вездѣ либо Козловъ, либо Купайтисъ по типу — тайга берется приступомъ. Но, пока что, всѣ эти участки не сообщаются между собою; ихъ раздѣляетъ тайга, хоть и утоньшающаяся, но все же суровая и трудная — не скоро еще время, когда сойдутся другъ съ другомъ сосѣди подобно партіямъ, съ разныхъ сторонъ пробивающимъ тоннель,—много еще воды утечетъ, пока откроется горизонтъ изъ-за лѣса.

Но первая брешь уже сдѣлана, и, въ связи съ установленіемъ выдачи раскорчевочныхъ премій, за дальнѣйшимъ продуктивнымъ заселеніемъ таежныхъ участковъ, нужно думать, что дѣло не станетъ. По крайней мѣрѣ въ теченіе только шести мѣсяцевъ этого года алтайскій таежный подраіонъ успѣлъ впитать въ себя около трехъ тысячъ новыхъ водворенныхъ — цифра, для прежнихъ временъ, очень значительная. Лишь бы только больше средствъ ассигновывалось на преміи, такъ какъ десяти тысячъ рублей въ годъ здѣсь не хватитъ—уже 80 заявленій къ іюлю подано о пособіяхъ. Лѣсъ, какъ защита отъ вѣтровъ и морозовъ, близкая подпочвенная и проточная вода, земля, уже доказавшая свое плодородіе, легкая возможность скотоводства, пчеловодства и охотничьихъ промысловъ — все это заставляетъ признать, что именно здѣсь, въ тайгѣ, будущее экономическое обезпеченіе переселенцевъ гарантировано болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было,—слишкомъ много для того положительныхъ данныхъ. И уже объявляются здѣсь самовольцы,—предвѣщающіе, какъ ласточки весну, добрую славу таежныхъ участковъ.

Усвоивъ, что тайга не можетъ заселяться безъ предварительнаго ея обезпеченія дорогами, переселенческое вѣдомство обратило теперь на эту сторону дѣла должное вниманіе, равно какъ и на соотвѣтственную разбивку таежнаго фонда. Что касается послѣдняго вопроса, то сама жизнь предъявила требованіе къ участкамъ отнюдь не общиннаго, но единичнаго пользованія, такъ какъ только при этомъ способѣ переселенцамъ вполнѣ обезпечивается право на отвоеванную ими изъ-подъ тайги землю, и предупреждаются расходы на неизбѣжное послѣдующее внутринадѣльное межеваніе, ложащееся значительною своею частью на населеніе. Дорогами же неуклонно предполагается рѣзать тайгу съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждая новая верста обслуживала возможно большее количество переселенческихъ участковъ и давала бы имъ удобное сообщеніе съ магистралью, либо вообще торговыми центрами.

На обратномъ пути, уже вновь по дорогѣ, наблюдаю картину, какъ бы нарочно инсценированную въ осуществленіе пожеланія Государственной Думы о томъ,

«чтобы на всѣхъ казенныхъ и кабинетскихъ земляхъ, отведенныхъ подъ переселеніе, продажа спиртныхъ напитковъ не производилась» *.

Обочная канава полна водой, и въ этой водѣ буквально по уши валяется совершенно пьяный крестьянинъ, а другой, нѣсколько менѣе упившійся, уговариваетъ его ѣхать домой. Въ концѣ концовъ и второй валится въ воду, а дѣвочка-малютка, очевидно дочь одного изъ нихъ, стоитъ у повозки хозяевъ и горько плачетъ... Не мало еще пьяныхъ приходится встрѣтить, пусть это будутъ отдѣльные грустные случаи, но достойно вниманія то, что во всѣхъ почти поселкахъ, образованныхъ какъ на казенныхъ, такъ и на кабинетскихъ земляхъ, лучшіе дома заняты лавками съ новенькими, красующимися у входа зелено-желтыми вывѣсками. Трудно устраиваться переселенцу на первыхъ порахъ; каждый грошъ на счету и кладется въ основу всей будущей жизни, но не всѣмъ, повидимому, есть дѣло до хозяйственныхъ перспективъ новосела: безъ сомнѣнія считается нужнымъ подогрѣть его рвеніе водкой, и въ результатѣ эти драгоцѣннѣйшія копѣйки льются въ кассу сидѣльца, а надежда на возможное благосостояніе если и не рушится сразу же окончательно, то во всякомъ случаѣ отдаляется на неопредѣленное время. Моментъ необходимой экономіи пропущенъ — смерти безвозвратной подобно промедленіе въ первоначальномъ устройствѣ переселенца... И много народу пошло уже по міру въ чужой сторонѣ, во славу «зеленаго змія».

IX.

Наконецъ въ, одномъ городкѣ, гдѣ именемъ мѣстнаго губернатора названа главная, но абсолютно непролазная и грязная улица, удается найти перваго агента областной земской переселенческой организаціи, имѣющаго здѣсь осѣдлость по росписанію.

Закидываю его накипѣвшими вопросами, и, прежде всего, вопросомъ о томъ, успѣшно ли осуществлятся

* По смѣтѣ переселенческаго вѣдомства на 1909 г.

въ жизни та обширная программа дѣятельности, которая была выработана въ началѣ текущаго года первымъ совѣщаніемъ всѣхъ областныхъ земскихъ агентовъ въ Полтавѣ и предусматривающая ихъ обязанность вѣдать едва ли не всѣ детали переселенческаго дѣла. Здѣсь меня главнымъ образомъ интересовало, какъ именно разграничиваются сферы вліянія чиновъ переселенческаго вѣдомства и агентовъ организаціи, если послѣдніе, напримѣръ, должны, какъ и первые, принимать мѣры къ правильному движенію переселенческихъ поѣздовъ, содѣйствовать ходокамъ и переселенцамъ въ пути слѣдованія и при водвореніи, давать переселенцамъ вообще всякіе совѣты и наставленія, оцѣнивать колонизаціонный фондъ съ точки зрѣнія его годности, разъяснять переселенцамъ и ходокамъ ихъ права и обязанности по зачисленію участковъ, по выдачѣ ссудъ и проч., содѣйствовать, наконецъ, скорѣйшему зачисленію за ходоками одобренныхъ ими участковъ и т. д. и т. д. *.

Нѣкоторый общій отвѣтъ на все изложенное давала та же инструкція, обязывающая агентовъ «сообразовать ихъ дѣйствія съ дѣйствіями переселенческихъ чиновъ» и служить «посредниками» между администраціей и населеніемъ, но съ другой ссороны общій тонъ инструкціи и подчеркиваніе особо независимости агентовъ, наряду съ правомъ ихъ представлять высшимъ правительственнымъ чинамъ доклады принципіальнаго характера по вопросамъ, взглядъ на которые со стороны организаціи установленъ, нѣсколько затемнялъ представленіе о предѣлахъ компетенціи этихъ лицъ и даже позволялъ съ нѣкоторой долей обоснованности предполагать, что роль представителей центральной земской Россіи далеко не всегда носитъ въ Сибири только служебный характеръ. За разъясненіемъ всего этого я и обратился по адресу.

Мой собесѣдникъ сразу же разволновывается, точно вопросомъ о взаимоотношеніи земской и правительственной переселенческихъ организацій я затронулъ самое его больное мѣсто.

— Условія нашей работы? Извольте-съ. Пріѣхалъ

* Инстр., утв. сов. уполном. 5 апр. 1912 г.

я только лишь въ маѣ. Вижу, что пунктъ для земскаго агента выбранъ неудачно —дѣлать, собственно, нечего, потому что сюда переселенцы и ходоки являются уже обо всемъ освѣдомленными правительственными чинами раньше. Однако, рѣшаю осмотрѣться и заняться какъ слѣдуетъ. Вы спрашиваете, что долженъ дѣлать земскій агентъ? Онъ в с е для переселенца, «отецъ родной», какъ неоднократно подчеркивалось на нашихъ съѣздахъ. Прекрасно. Иду къ подраіонному, знакомлюсь, беру у него разныя свѣдѣнія. Но вы понимаете, что не на улицѣ же мнѣ ловить переселенцевъ. И вотъ, я обращаюсь съ просьбой поставить мнѣ столъ для занятій въ канцеляріи. Знаете, что мнѣ отвѣтилъ г. подраіонный? Стола, говоритъ, я вамъ не дамъ, за неимѣніемъ такового, а хотите, такъ сидите хоть за моимъ, когда меня нѣтъ, а то на другомъ какомъ нибудь. На первыхъ порахъ не хотѣлъ портить съ нимъ отношеній, т. е. прямо потребовать столъ перебиваюсь кое-какъ, разговариваю съ переселенцами. Но тутъ замѣчаю что дѣло ведется не ладно. Напримѣръ: приходитъ крестьянинъ за ссудой, вторичною. Избу поставилъ? Поставилъ. Лошадь купилъ? Купилъ. А корову? Коровы не удосужился—вотъ на нее бы мнѣ и денжатъ малость... «Нѣтъ тебѣ ссуды. Купи корову, тогда и получишь. Слѣдующій!»... Это такъ г. подраіонный удостовѣряется въ возможности выдать оставшуюся часть ссуды, требуя обязательно и избы, и коровы, и лошади вмѣстѣ. Далѣе. Вы, вѣрно, знаете, что теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выдаютъ особыя ссуды на раскорчевку лѣса. Дѣло какъ будто хорошее, но что ни прошеніе, то отказъ. Потомъ еще много всякихъ нелѣпостей, разное стѣсненіе крестьянъ въ пользованіи ихъ же собственнымъ мірскимъ капиталомъ, ну я и не выдержалъ. Разъ, другой, по долгу совѣсти объяснилъ переселенцамъ настоящій смыслъ законовъ * и то, чего они могутъ не просить, а требовать, и вдругъ г. чиновникъ мнѣ говоритъ: если, вы, милостивый государь, намѣрены здѣсь возбуждать (каково?) народъ и опорочивать мои дѣйствія, то не угодно ли вамъ будетъ освободить отъ своего присутствія не только мою кан-

* § 30 инструкціи.

целярію, но и дворъ при ней, гдѣ ожидаютъ просители. Возмутился, я, конечно, страшно подобной грубостью, наговорилъ много правды въ глаза этому непріятному человѣку при всѣхъ, но все таки пришлось уйти, и перенимать людей гдѣ попало. Однажды иду мимо канцеляріи (я зналъ, что подраіонный въ отъѣздѣ) вижу толпу народа. Вы чего здѣсь?—Оказывается, это переселенцы, вызванные для полученія ссудъ за 80 верстъ, и вотъ уже пятый день ожидающіе пріѣзда г. подраіоннаго, неизвѣстно гдѣ пропадающаго. «Помоги, отецъ родной — прохарчились совсѣмъ ничего не останется и отъ ссуды». Ну, тутъ я вскипѣлъ. Пишу срочную телеграмму завѣдывающему раіономъ — такъ, и такъ, — переселенцы голодаютъ *. И здѣсь уже верхъ глумленія: получаю отвѣтъ, что «земскимъ агентамъ не предоставлено право контролировать дѣйствія чиновъ переселенческаго вѣдомства». Вотъ вамъ и совмѣстная работа!..

Агентъ нервно затягивается папироской и продолжаетъ.

— Близко ознакомиться съ ввѣреннымъ мнѣ округомъ, я, конечно, не успѣлъ, хотя достатачное представленіе имѣю. Все время въ разъѣздахъ, жить, въ общемъ, можно—вѣдь я уже успѣлъ обслѣдовать 2000 хозяйствъ, и только три сѣверныя волости не попали въ очередь. Выяснилъ, что самовольцевъ по всему раіону 105 тысячъ, а въ этомъ подраіонѣ—30 человѣкъ. Пожалуй столько же наберется и въ трехъ сѣверныхъ волостяхъ. Но, Боже мой, до чего плохо поставлено школьное, врачебное, дорожное дѣло! Изволили проѣзжать?.. Думаю не оставаться здѣсь долго, слишкомъ натянулись отношенія, да и вообще... Какая тутъ жизнь, когда, какъ видите, лѣплюсь въ какомъ-то чуланѣ. Было у насъ тутъ одно совѣщаніе, рѣшили всѣ въ настоящемъ городѣ жить и только разъѣзжать куда нужно. Повторяю,—условія нашей дѣятельности вездѣ одинаково скверны. Я вамъ сотую долю только разсказалъ—увидите другихъ агентовъ—спросите. А на счетъ фонда здѣсь, такъ я только вѣдь съ мая, еще не могъ ознакомиться, хотя 146 ходоковъ прошли вес-

* § 11 инструкціи.

ной черезъ мои руки. Вы не думайте, что мы только своимъ помогаемъ: къ земскому агенту идетъ всякій, и олонецкій, и астраханскій,—мы съ ними со всѣми какъ съ дѣтьми...

На этомъ нашъ разговоръ прерывается. И агента куда-то зовутъ, и мнѣ пора уже ѣхать, но предварительно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ сѣтованій этого милаго малоросса, заброшеннаго судьбою въ медвѣжью берлогу, за не малое, впрочемъ, вознагражденіе, рискую интервьюировать и другую сторону—«г. подраіоннаго».

— Совмѣстная дѣятельность съ земствомъ? Пожалуйста-- на послѣднемъ примѣрѣ. Является ко мнѣ въ маѣ мѣсяцѣ только что пріѣхавшій новый агентъ и проситъ отвести ему столъ. Свободныхъ у меня нѣтъ, и мѣста даже не имѣется—предлагаю ему заниматься хоть за моимъ. Время горячее, народу всякаго пропасть. Однако тѣснимся кое-какъ, стараемся быть полезными. Надавали ему кучу справокъ. Онъ не говорилъ вамъ о статистическихъ обслѣдованіяхъ? Такъ вотъ, третій годъ я этимъ занятъ и громадный матеріалъ накопился—однихъ самовольцевъ здѣсь 400 семей обслѣдовалъ, а всего болѣе двухъ тысячъ хозяйствъ. Оттуда онъ и выборки дѣлалъ. Ничего, мирно. Только замѣчаю, что какъ соберутся въ канцеляріи переселенцы, агентъ уже держитъ имъ рѣчь, а потомъ эти же переселенцы вступаютъ со мною въ споръ, что и то не такъ я дѣлаю, и другое не по правиламъ. Вижу, что не безъ вліянія агента, который, повидимому, на далъ себѣ даже труда познакомиться съ законами, но терплю, и терпѣлъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сталъ вмѣшиваться въ мои разговоры съ просителями и публично критиковать мои распоряженія. Тутъ я уже попросилъ его удалиться по добру по здорову. «Изба, корова и лошадь»?—Что за вздоръ! Никогда подобнаго нелѣпаго соединенія я не требовалъ, и одного факта возведенія постройки, для меня совершенно достаточно, чтобы выдать причитающуюся ссуду. Кстати о ссудахъ. Онъ не говорилъ вамъ, какъ я проморилъ голодомъ переселенцевъ? Ну конечно. А дѣло было такъ: уѣзжая по подраіону, я обыкновенно назначаю день, въ который переселенцы, по ранѣе поданнымъ прошеніямъ, должны явиться за ссудой, и объявляю объ этомъ особыми повѣстками. Такъ и въ тотъ разъ. Пріѣзжаю

за сутки до назначеннаго срока—вижу возбужденную толпу. Потомъ узнаю, въ чемъ дѣло, а, нужно сказать, что переселенцы всегда являются раньше, боясь почему-то пропустить выдачу. Ну и нарвался агентъ. «Лѣсныя расчистки»?—Еще болѣе странно. Всячески поощрялъ и поощряю этотъ наиболѣе полезный и разумный видъ премій. Ни одного разу не отказалъ въ просьбѣ о ссудѣ на раскорчевку какъ постоянно, по должности и крестьянскаго начальника, всячески способствую постановленію приговоровъ о постройкѣ школъ и осуществленію другихъ культурныхъ начинаній. Выхлопатываю казенныя на это дѣло пособія, къ сожалѣнію такъ скупо отпускаемыя намъ Петербургомъ—словомъ, не земскому бы агенту говорить о торможеніи прогресса съ нашей стороны. Знаете вся бѣда въ чемъ? – Что въ качествѣ земскихъ переселенческихъ агентовъ къ намъ пріѣзжаютъ люди, очевидно типа «неудачниковъ», которые не могли такъ или иначе устроиться у себя дома, а здѣсь обставляются значительно лучше нашего. Ни любви къ дѣлу, ни знанія его, ни даже желанія учиться. Пріѣхалъ—и начинаетъ «ревизовать». Кто внушилъ имъ такое представленіе о назначеніи земскаго агента я не знаю, но истинно то, что за самыми рѣдкими исключеніями, какъ напримѣръ Штехеръ (Орловскаго земства), всѣ они преисполнены предвзятостью въ отношеніи нашихъ дѣйствій, и отсюда тѣ тренія, при которыхъ, конечно, никакая совмѣстная работа немыслима. Вмѣсто сотрудниковъ, по существу желанныхъ, мы встрѣчаемся съ людьми, возстанавливающими неизвѣстно за что и про что все окружное населеніе противъ насъ, и тѣмъ тормозящихъ и безъ того нелегкое дѣло. Ну и приходится, волей-неволей, изолироваться, а что они будутъ писать въ свое областное бюро, если мы не дадимъ нашихъ свѣдѣній—неизвѣстно, такъ какъ рѣдко кто изъ агентовъ бываетъ на мѣстѣ. «Увидите другихъ—поразспросите»—знакомою фразою заканчиваетъ и свою грустную повѣсть подраіонный.

Здѣсь уже не сомнѣнія мои, а иллюзіи начинаютъ разсѣиваться. Дѣйствительно, сплошное, дикое, недоразумѣніе. А между тѣмъ, какая благая мысль, какое крупное начинаніе широко общественнаго значенія—«представители земскихъ традицій въ неземской Сиби-

ри»! Но ни какъ я еще не хочу поддаваться первому впечатлѣнію, не хочу дѣлать никакихъ выводовъ, впредь до тѣхъ поръ, пока не встрѣчусь съ другими агентами, другими переселенческими чиновниками.

Случай не замедляетъ представиться. На обратномъ пути ужъ въ «Россію» встрѣчаю въ вагонѣ двухъ лицъ— какъ разъ, по ихъ словамъ, агентовъ областной земской организаціи. Одинъ суровый, преземистый,—другой потоньше и благодушнѣе. Сейчасъ же завязывается разговоръ все на прежнюю тему.

На этотъ разъ я, однако, начинаю не съ общихъ условій. Мнѣ желательно выяснить чисто практически, въ чемъ именно состоитъ работа агентовъ, непосредственно приводящая къ цѣли: какъ они ознакомляются съ очереднымъ колонизаціоннымъ фондомъ въ отношеніи хозяйственной его пригодности, въ какой мѣрѣ обслѣдуютъ уже заготовленные участки, какъ направляютъ на эти участки ходоковъ и переселенцевъ, и въ чемъ выражается дальнѣйшее «способствованіе» выходцамъ изъ союзныхъ губерній. Не получивъ отвѣта на эти чисто дѣловые вопросы отъ моего перваго собесѣдника, но въ то же время считая, что именно въ такого рода объемѣ дѣйствій и должны заключаться главнѣйшія обязанности агентовъ, я и прошу теперь разсказать мнѣ подробнѣе.

— Знаете, прерываетъ меня на полусловѣ первый, все, о чемъ вы сейчасъ упоминали, это такія мелочи, такіе пустяки, что и говорить о нихъ вовсе не стоитъ. Понятно, фондъ заготовляется отвратительно, участки даже не обмежевываются какъ слѣдуетъ. Да и развѣ можетъ быть иначе, если во всемъ переселенческомъ управленіи только человѣка 2—3 понимающихъ дѣло. А остальное ни къ черту не годится; безъ образованія, безъ опыта, всякій сбродъ, словомъ, а тутъ нужны техническія познанія. Намъ, земскимъ агентамъ, работать нельзя при данныхъ условіяхъ политическаго курса, когда...

— Позвольте, перебиваю на этотъ разъ уже я, чувствуя, что мы отвлекаемся въ сторону. Политика здѣсь рѣшительно ни при чемъ, а быть можетъ вы все-таки разскажете мнѣ, какое участіе, напр., принимаютъ агенты въ дѣлѣ самаго образованія переселенческихъ уча-

стковъ. Вѣдь очень важно, я думаю, быть именно тогда на мѣстѣ,—только этимъ путемъ и можно детально ознакомляться съ заготовляемымъ фондомъ и затѣмъ рекомендовать тѣ или иные участки крестьянамъ.

— Пустое и безполезное дѣло! Какъ вы хотите, чтобы мы занимались этими, повторяю, деталями, когда общая атмосфера такова, что никакая совмѣстная работа невозможна. Мало ли что говоритъ инструкція. Нужно пожить здѣсь, да испытать на себѣ всѣ прелести теперешняго режима, когда въ особую служебную заслугу ставится грызня съ нами, агентами. Знаете какой былъ случай недавно? Просится одинъ господинъ на службу, въ губернское правленіе, что-ли. А такъ какъ раньше онъ состоялъ въ переселенческомъ вѣдомствѣ, то отъ послѣдняго и требуютъ свѣдѣній о благонадежности и т. д. Отвѣтили только одно: поругался тогда то съ земскимъ агентомъ,—и сейчасъ же этотъ господинъ получилъ прекрасное мѣсто. Это не анекдотъ-съ. И не могутъ понять вѣдь, что мы-то здѣсь призваны служить культурнымъ цѣлямъ, оживлять, такъ сказать, царящую кругомъ мертвечину. Вотъ въ Государственной Думѣ...

— Стойте, говорю я уже съ отчаяніемъ, вѣдь это все общія фразы, а мнѣ нужно знать, что положительнаго дѣлаютъ агенты хотя бы при данныхъ условіяхъ,—къ чему реальному сводится здѣсь ихъ работа?

Мои спутники смотрятъ на меня съ изумленіемъ «Потоньше» пытается было вступить въ разговоръ, но отстраняется своимъ сотоварищемъ, который и продолжаетъ.

— Вамъ мало того, что я высказалъ? Такъ слушайте же: черезъ насъ здѣсь проходитъ рѣшительно все. Мы встрѣчаемъ переселенцевъ, объясняемъ имъ всякія правила, разъясняемъ законы, помогаемъ имъ совѣтами. Какъ ни мѣшаютъ намъ чиновники, но все же мы успѣваемъ внушить крестьянамъ ихъ права, разбираемся въ незаконныхъ дѣйствіяхъ администраціи; мы, земскіе люди, не можемъ относиться безразлично къ произволу. И главное, что ужасно, это то, что вездѣ одинаково скверно поставлено дѣло. И тамъ, гдѣ я былъ до сихъ поръ, и здѣсь, въ этомъ самомъ раіонѣ. Напримѣръ Кулундинская степь. Слышали-съ? Мер-

твый фондъ, гдѣ крапива не растетъ, а здѣсь говорятъ «урожаи»! Какой абсурдъ!—Нѣтъ, я тамъ не былъ, но, знаете, довольно разъ имѣть дѣло съ переселенческимъ вѣдомствомъ, чтобы потомъ знать цѣну его измышленіямъ... На Думу разсчитывать нечего...

. . . . . .

Глядя на меня въ упоръ, перегнувшись почти пополамъ, земскій областной агентъ продолжаетъ свои обличенія. Сыплетъ громкими и негромкими именами, развиваетъ, хотя и крайне туманно и неопредѣленно, свою политическую программу, буквально смѣшиваетъ съ грязью всѣхъ чиновъ переселенческаго вѣдомства и... ни разу ни обмолвливается о переселенцахъ. Каждый разъ, какъ я пытаюсь вставить слово о дѣлѣ,—получаю рѣзкій отвѣтъ, и въ концѣ концовъ загипнотизировываюсь и обезволиваюсь настолько желчнымъ потокомъ подобранныхъ словъ, что хочу одного лишь—покоя.

Итакъ, трехъ агентовъ я видѣлъ... А вотъ, что буквально передаетъ еще одинъ представитель «противной» стороны—переселенческій подраіонный—о совмѣстной службѣ съ агентомъ NN: «Вся дѣятельность его (агента) заключается въ томъ, что-бы «урвать» какое-либо число долей и представить въ свое земство, но это «урываніе» является опять таки не дѣломъ собственныхъ рукъ, т. е. знакомства съ участками, осмотра ихъ, а лишь умѣнье чужими руками жаръ загребать, т. е. отъ производителя работъ, топографовъ берутся всѣ данныя и затѣмъ представляются, какъ личное обслѣдованіе. Вся статистика подобныхъ господъ также основана на томъ, что отъ раіона и подраіонныхъ просятъ свѣдѣній, и затѣмъ выдаютъ ихъ за свои. Я удивлялся NN, какъ могъ человѣкъ, по мѣсяцамъ сидя въ N—скѣ, абсолютно ничего не дѣлать: онъ не видѣлъ совсѣмъ переселенцевъ, а только «требовалъ», именно не просилъ, а требовалъ, чтобы мѣстныя власти сообщали ему о проѣздѣ начальства. Тутъ ужъ являлся непремѣнно, униженно просилъ долей для своего земства. Былъ такой случай: при проѣздѣ завѣдывающаго раіономъ, NN выпросилъ у него опредѣленное количество въ 1-мъ N-скомъ подраіонѣ (NN же просилъ о предоставленіи ему во 2-мъ); раіонный поручилъ мнѣ сообщить объ этомъ

подраіонному. Когда начальство уѣхало, то NN присталъ ко мнѣ съ просьбой перепутать подраіоны и дать знать завѣдывающему 2-мъ подраіономъ, что для такого-то земства у него оставлены доли... Если NN проѣздомъ и бывалъ на участкахъ, то тутъ ужъ онъ былъ на высотѣ величія, выдавая себя за важную персону, конечно предъ переселенцами, обѣщаніями сыпалъ направо и налѣво, старался всюду дискредитировать подраіонныхъ, собирать о нихъ сплетни и кляузы, особенно о тѣхъ, кто, раскусивъ его, давалъ надлежащій отпоръ. Если NN является къ кому либо въ канцелярію, то лишь за тѣмъ, чтобы предъявлять неисполнимыя требованія, а когда ему въ нихъ отказываютъ, то грубо и нахально заявляетъ, что «васъ заставятъ это сдѣлать». О дѣлѣ интереса какого-либо кромѣ полученія долей, отъ NN не услышишь, за то цинизма и пошлыхъ анекдотовъ хоть отбавляй. Ничего самъ не дѣлая, NN всегда все и всѣхъ критикуетъ; бывало вмѣшивался въ разговоръ при пріемѣ переселенцевъ и тутъ же начиналъ спорить и угрожать. Вообще какъ NN, такъ и другіе агенты стремятся присвоить себѣ роль «ревизоровъ» по отношенію къ чиновникамъ: попросятъ дать просмотрѣть для выборки нужнаго имъ матеріала книги, а затѣмъ начинаются запросы: «на какомъ основаніи вами сдѣлано то-то и то-то, почему такъ, а не иначе». И это стремленіе всюду совать свой носъ и ревизовать исходитъ изъ той точки зрѣнія, что чиновникъ является угнетателемъ переселенца и всюду дѣлаетъ онъ подвохъ, а радѣтелями (я скажу - за чужой счетъ) являются только они— агенты, почему имъ и слѣдуетъ всегда «поймать» чиновника. Того, что дѣлаетъ Штехеръ, я ни отъ одного изъ земскихъ агентовъ не видѣлъ, а если бы всѣ они были, какъ Штехеръ, такъ выиграло бы отъ этого и само дѣло и интересы переселенцевъ...»

Мнѣ кажется, дальше не стоитъ... И если могутъ возникнуть, послѣ изложеннаго, еще какіе либо вопросы, то таковые, по моему, всѣ обнимаются слѣдующимъ: какимъ образомъ дошла до самоотрицанія и, какъ будто, прямого развала воплощенная сначала въ здоровыя формы мысль о привлеченіи земскихъ работниковъ къ переселенческому дѣлу въ Сибири? Дѣятельность зем-

скихъ агентовъ въ видѣ общаго правила, болѣетъ грознымъ недугомъ. Нельзя ли установить діагнозъ?

Начиная едва ли не съ самаго введенія земскихъ учрежденій въ Россіи, вниманіе этихъ общественныхъ организацій постоянно останавливалось на переселенческомъ вопросѣ. По мѣрѣ развитія матеріальныхъ средствъ и иниціативы, отдѣльныя земства отъ словъ перешли къ дѣлу, и, не говоря ужъ о собственно мѣстномъ участіи, командировали своихъ служащихъ даже въ Сибирь для того, чтобы тамъ выходцы изъ данной губерніи могли встрѣтить «своего» человѣка, и чтобы послѣдній оказывалъ всяческую помощь землякамъ. Такъ продолжалось вплоть до 1908 года, и исторія дѣятельности этихъ, отдѣльныхъ, агентовъ, не снабженныхъ никакими исключительными полномочіями, показываетъ, что работа ихъ была дѣйствительно производительна, и что пользу отъ нея извлекали рѣшительно всѣ. Въ концѣ 1907 года, во время наибольшаго развитія переселенческаго движенія, а, стало быть и «модности» переселенческаго вопроса, девять южныхъ земствъ объединились на этой почвѣ въ «областную» организацію и составили, такимъ образомъ, силу настолько внушительную, что правительство посылало своихъ даже высокопоставленныхъ делегатовъ для участія въ работахъ соотвѣтственныхъ съѣздовъ. При этомъ послѣдними выносились резолюціи и объ измѣненіи законовъ о переселеніи, и о необходимости принятія различныхъ мѣръ собственно распорядительнаго характера.

Къ этому времени успѣла собраться Государственная Дума третьяго созыва, и въ одномъ изъ первыхъ же ея засѣданій была образована особая переселенческая комиссія, въ основу будущей дѣятельности которой многими тогда высказавшимися ораторами предполагалось положить труды упомянутыхъ областныхъ съѣздовъ *.

Затѣмъ, при обсужденіи въ Государственной Думѣ смѣты переселенческаго управленія, т. е. въ мартѣ 1908 года, сразу же выдвинутъ былъ принципіальный вопросъ о привлеченіи мѣстныхъ органовъ самоуправленія къ участію въ переселенческомъ дѣлѣ. Комиссія предлагала, чтобы земства вѣдали только вопросы «выселе-

* См. соч. того же автора „Пересел. вопр. въ Гос. Думѣ III созыва“, стр. 18 и 19.

нія», но, такъ какъ отдѣльными ораторами было указано на фактъ оказанія правительству земскими организаціями помощи не только въ мѣстахъ выхода, но и въ пути, и на мѣстахъ водворенія переселенцевъ (агенты), то Государственная Дума и постановила о необходимости привлеченія земствъ къ *веденію* переселенческаго дѣла вообще *.

Какъ могли понять и истолковать подобную формулу земскіе агенты, засѣдавшіе до того въ различныхъ совѣщаніяхъ на равныхъ правахъ съ главою вѣдомства? Конечно въ самомъ широкомъ и естественномъ для нихъ смыслѣ, близкомъ къ выраженію недовѣрія власти законодательной къ власти исполнительной, и къ желанію первой, путемъ возложенія отвѣтственныхъ полномочій на представителей областной организаціи, учредить контроль надъ дѣйствіями второй, т.-е. въ данномъ случаѣ переселенческаго управленія.

Послѣднее продолжало, повидимому, дѣйствовать безхитростно. Оно было, по прошлымъ примѣрамъ, вѣроятно даже довольно грядущимъ притокомъ свѣжихъ силъ «въ помощь» изнывающимъ отъ работы своимъ чиновникамъ, рекомендовало послѣднимъ высшую предупредительность по отношенію къ желаннымъ сотрудникамъ, но каково было удивленіе и ужасъ разныхъ «раіонныхъ» и «подраіонныхъ», когда эти гости наѣхали и потребовали прежде всего полной отчетности.

Требованіе это было встрѣчено категорическимъ отказомъ, который въ свою очередь ожесточилъ земскихъ агентовъ, призванныхъ *вести* переселенческое дѣло въ качествѣ какъ бы суррогата земства сибирскаго. Отсюда и начались всѣ недоразумѣнія

И вотъ, война продолжается, нелѣпая, безсмысленная, основанная на взаимномъ непониманіи, на *ложномъ* положеніи одной изъ сторонъ. И до тѣхъ поръ, пока это положеніе не будетъ измѣнено, пока не будутъ разграничены и вполнѣ ясно опредѣлены сферы дѣятельности каждой,—до тѣхъ поръ, повторяю, немыслимо не только дружественное соглашеніе, но даже и перемиріе..

---

* Тамъ же, стр. 31.

Однако, я долженъ сказать, по наличности данныхъ, что та сторона, положеніе которой ложно, несомнѣнно ведетъ себя вызывающе, и на ея нравственной отвѣтственности лежитъ весь вредъ, причиняемый этою распрею дѣлу. Страдаетъ опять таки русскій мужикъ — пусть подумаетъ объ этомъ «та» сторона и найдетъ мужество сознать свое заблужденіе. Вѣдь есть же и въ ея средѣ, какъ мы видѣли, достойныя всякаго подражанія единицы, — быть можетъ даже и не столь безнадежно ея положеніе, при условіи иного подбора людей *.

X.

Сибирскій экспрессъ мчится къ западу. Во всемъ поѣздѣ, вмѣстѣ со мною, человѣкъ десять, всѣ иностранцы, и вотъ я бесѣдую съ англичаниномъ, ѣдущимъ изъ Шанхая въ Москву. Сынъ туманнаго Альбіона крайне интересуется развитіемъ русской промышленности, утверждаетъ, что Сибири предстоитъ великая будущность, и въ переселенческомъ осѣданіи видитъ вѣрный залогъ ея. Хочетъ слышать мои впечатлѣнія, отлично понимая, что заѣхавши въ эти мѣста туристъ только и можетъ интересоваться переселеніемъ...

Какъ ихъ суммировать? Дѣло идетъ впередъ, скромные труженики на этой благодатной нивѣ—переселенческіе чиновники — изъ силъ выбиваются для достиженія хорошихъ результатовъ, горячо увлекаются своей дѣятельностью, не помышляя о политикѣ и личныхъ выгодахъ, и покоряютъ этимъ сердце народа. Я самъ много разъ былъ свидѣтелемъ, какъ просто, по дружески, обращаются съ переселенцами подраіонные, съ какою готовностью, въ ущербъ и своему необходимому отдыху, а иной разъ даже здоровью, эти «непріятные» люди идутъ навстрѣчу всякому призыву;

* Характеръ настоящаго очерка, и безъ того затянувшагося, лишаетъ возможности автора остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе. А между тѣмъ, дѣло земской агентуры въ Сибири уже по громадности отпускаемыхъ средствъ, требуетъ детальнаго разсмотрѣнія, что и должно составить предметъ особой работы.

между ними и населеніемъ уже протянулась та невидимая, но ощущаемая нить полнаго довѣрія — переселенческое вѣдомство служитъ крестьянамъ, но отнюдь не начальствуетъ.

Много всякихъ упрековъ сыплется на эту «всеазіатскую земскую управу», которая ищетъ землю, подготовляетъ ее подъ заселеніе, водворяетъ и административно устраиваетъ крестьянъ, строитъ дороги, колодцы, церкви, школы, мосты. Переселенческое вѣдомство организуетъ кооперації, оно производитъ гидротехническія и метеорологическія обслѣдованія, оно ютитъ сиротъ переселенцевъ, оно, за отсутствіемъ пока мѣстныхъ органовъ самоуправленія – альфа и омега всего крестьянскаго быта въ Сибири. Можно ли, спрашивается, при столь огромномъ масштабѣ работы, обойтись безъ неудачъ? Не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, а если и споткнется перегруженная лошадь, то только закоренѣлый въ своей жестокости человѣкъ рискнетъ ударить ее. Такого рода удары часто сыпятся и на переселенческихъ чиновниковъ, на самомъ дѣлѣ гораздо больше знакомыхъ съ нуждами населенія и интересующихся ими, чѣмъ какіе либо «отвлеченные суррогаты». Именно эти чиновники и прокладываютъ путь грядущему настоящему земству.

Край развивается и богатѣетъ. Не по всей, конечно, Сибири одинаково, но постепенно приближаются къ культурѣ и отдаленнѣйшіе ея уголки. Есть и жертвы колонизаціоннаго дѣла, но наличность ихъ только доказываетъ, что не всѣмъ по плечу піонерство. Пройдетъ, быть можетъ, не одинъ еще десятокъ лѣтъ, пока реально будутъ учтены всѣ сибирскія перспективы — теперь лишь едва намѣчаемыя.

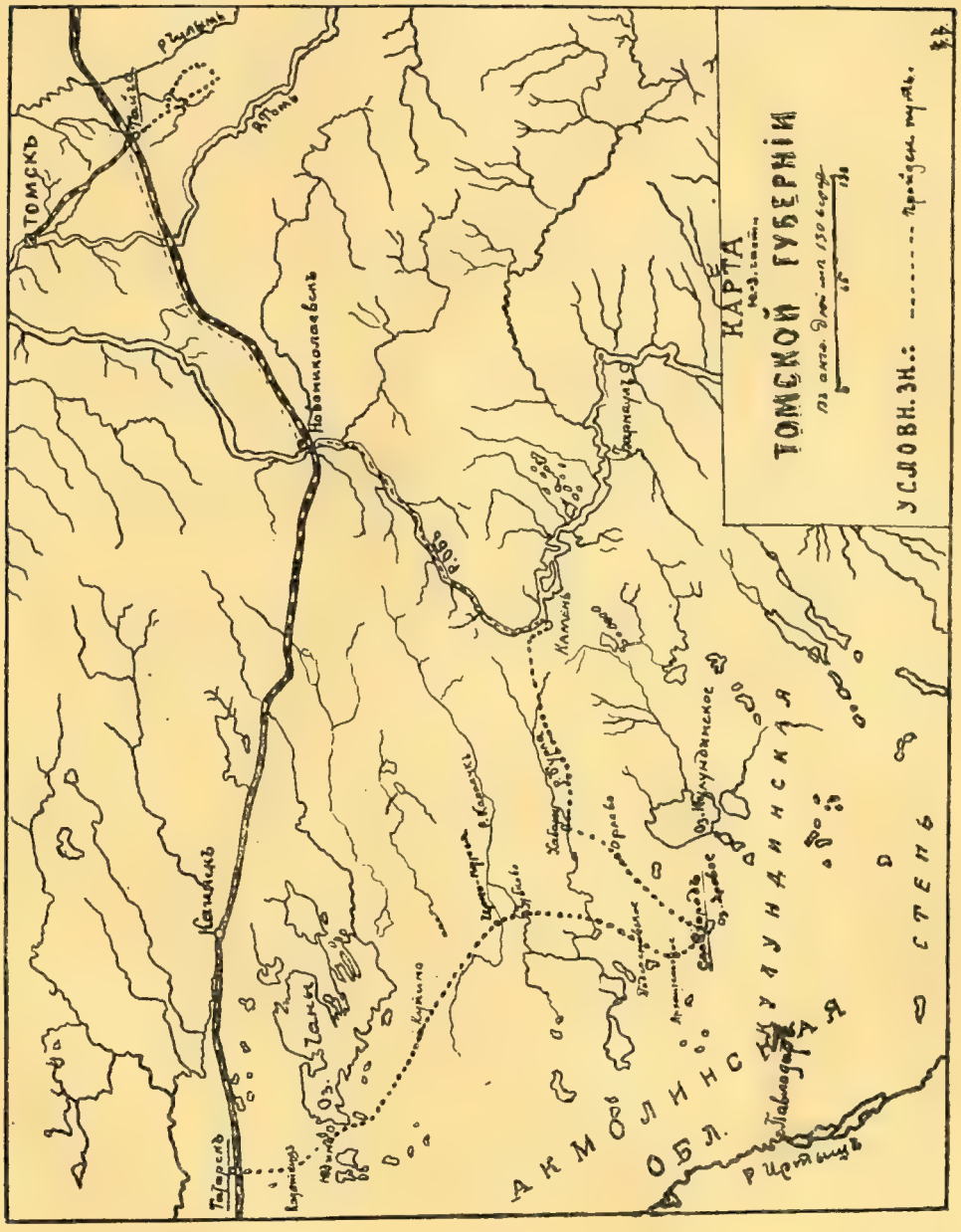
Дали Сибирскія! Онѣ рисуются предъ всякимъ, вдохнувшимъ въ себя привольный воздухъ Зауралья, заманчивыми, прекрасными... На чарующемъ фонѣ общей картины пробужденія Сибири, этой спящей царевны, такъ долго ждавшей своего избавителя съ живой водой— трудящагося, сильнаго и свободнаго поколѣнія — уже выступаютъ передніе планы. Уже недалеко время пріобщенія отдѣльныхъ окраинъ къ благамъ мѣстнаго самоуправленія. На очереди окончательное упорядоченіе землеустройства коренныхъ жителей, привлеченіе на

сибирскія земли людей съ капиталомъ для насажденія культурныхъ хозяйствъ и торгово-промышленныхъ предпріятій,- есть, какъ слышно, предположенія о частныхъ колонизаціонныхъ компаніяхъ, которымъ правительство передастъ на извѣстныхъ условіяхъ право предварительной подготовки, а затѣмъ и уступки земель подъ заселеніе желающимъ... О неограниченныхъ возможностяхъ Сибири можно говорить безъ конца, но не мѣсто здѣсь этому, и повѣсть должна быть оборвана.

Дай Богъ, только, чтобы никому изъ тѣхъ, отъ кого такъ или иначе зависятъ судьбы Русскаго разселенія, не пришлось оказаться въ положеніи описаннаго мной старожила *: «этакое богатство, а вѣдь подъ бокомъ оно было, да не замѣтили»!

* Стр. 29.

ИСТОРИЧЕСКАЯ



(См. слѣд. страницу).

В. П. ВОЩИНИНЪ.

Переселенческій вопросъ въ Государственной Думѣ III созыва.

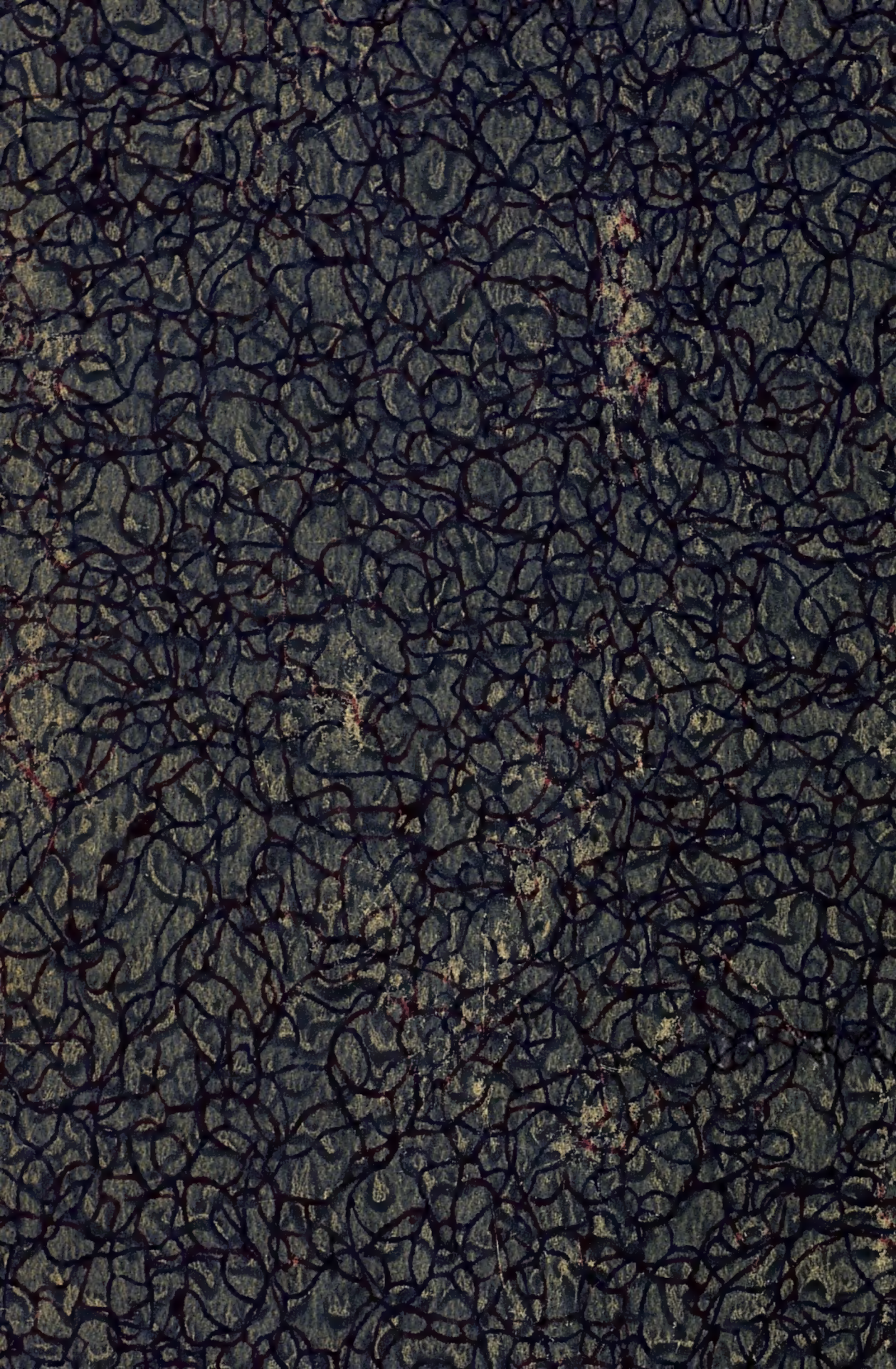
ИТОГИ и ПЕРСПЕКТИВЫ.

СПБ. 1912.

Цѣна ДВА рубля.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
у автора (Спб., Таврическая, 3г) и въ магаз. „Право“ (Литейный, 28).

Цѣна 1 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

С.-Петербургскій книжный магазинъ „УЧЕБНОЕ ДѢЛО“. (Петербург. стор., Большой просп., д. 6), и у автора (СПБ. Таврическая, 3-г).